
SOCIALISM

Ludwig von Mises

Людвиг фон Мизес

СОЦИАЛИЗМ

Экономический
и социологический
анализ

• С О Ц И У М •

Людвиг Мизес

**Социализм. Экономический
и социологический анализ**

«Интермедиатор»

1981

УДК 321.01
ББК 65.02

Мизес Л. ф.

Социализм. Экономический и социологический анализ /
Л. ф. Мизес — «Интермедиатор», 1981

ISBN 978-5-91603-678-7

«Социализм» — главный обществоведческий трактат Л. фон Мизеса. В этом сочинении наиболее полно изложены экономико-социологические основы теории общества, которой придерживался автор и которую он развивал во всех последующих работах. Нарушив марксистский запрет на обсуждение экономического и социального устройства будущего социалистического общества, Мизес анализирует, как будет функционировать сообщество людей после полной отмены частной собственности на средства производства. Этот анализ проводится на фоне постоянного сравнения с положением дел в либеральном рыночном обществе, основанном на частной собственности на средства производства. Центральной частью трактата является демонстрация невозможности рационального централизованного управления экономикой с глубоким разделением труда, что связано с невозможностью экономического расчета в хозяйстве без частной собственности, а следовательно и без рыночных денежных цен на средства производства. В самом начале 20-х годов XX в. автор сумел предвидеть и детально описать как характерные пороки разных форм реального социализма, так и причины его неминуемого краха. Перевод осуществлен с английского издания 1981 г. и сверен с немецким изданием 1982 г.

УДК 321.01
ББК 65.02

ISBN 978-5-91603-678-7

© Мизес Л. ф., 1981
© Интермедиатор, 1981

Содержание

От издателей	7
Предисловие	8
Предисловие ко второму английскому изданию	12
Предисловие ко второму немецкому изданию	13
Введение	19
1. Успехи социалистических идей	19
2. Научный анализ социализма	21
3. Альтернативные методы подхода к анализу социализма	24
Часть I	26
Глава I	26
1. Природа собственности	26
2. Насилие и общественный договор	29
3. Теория насилия и теория общественного договора	33
4. Коллективная собственность на средства производства	35
5. Теории эволюции собственности	36
Глава II	39
1. Государство и экономическая деятельность	39
2. «Основные права» в социалистической теории	40
3. Коллективизм и социализм	43
Глава III	48
1. Политика насилия и политика договора	48
2. Социальная функция демократии	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53
Комментарии	

Людвиг фон Мизес

Социализм. Экономический и социологический анализ

Ludwig von Mises

SOCIALISM

An Economic and Sociological Analysis

Научное редактирование *Р. Левиты*

© ООО «ИД «Социум», 2016

© Б. Пинскер, перевод, 1991

От издателей

Предлагаемая вниманию читателей книга впервые вышла в 1922 г. на родном для автора немецком языке под названием «Общественное хозяйство. Исследования социализма»¹. С тех пор этот труд Людвиг фон Мизеса неоднократно переиздавался с дополнениями автора. С выходом в 1936 г. в Англии перевода с немецкого издания 1932 г., выполненного Дж. Кахане (J. Kahane), книга получила название «Социализм: экономический и социологический анализ»². Перевод Дж. Кахане использован во всех последующих англоязычных изданиях, в том числе и в последнем американском издании (1981), с которого и сделан настоящий перевод на русский язык³.

Перевод с немецкого, осуществленный Дж. Кахане, не буквальный. Поэтому в тех случаях, когда, по нашему мнению, в немецком оригинале лучше, отчетливее выражена авторская мысль, русский текст отредактирован с ориентацией на немецкий оригинал. Восстановлены и сделанные переводчиком отдельные купюры.

Источники цитат и ссылок приводятся в том виде, как они даны Людвигом фон Мизесом. Если же данная работа издана на русском языке, то издание также указывается (в квадратных скобках). В таких случаях приводимые Мизесом цитаты даются по опубликованному русскому переводу первоисточника. Цитаты из К. Маркса и Ф. Энгельса даются по тексту второго издания Сочинений, а цитаты из В. И. Ленина – по тексту пятого издания Полного собрания сочинений.

Немногочисленные авторские подстрочные примечания обозначены тем же знаком, что и источники.

Встречающиеся в авторском тексте и в предисловии Ф. Хайека ссылки на страницы публикуемой работы Л. Мизеса приведены применительно к настоящему изданию.

Для удобства читателей труд Людвиг фон Мизеса снабжен постраничным комментарием, специально подготовленным для настоящего издания. Комментарий этот – сугубо фактологический и не несет никаких оценок излагаемых в авторском тексте идей и мнений.

Предметный и именной указатели также специально составлены для настоящего издания.

В американском издании 1981 г. текст Мизеса предваряется предисловием, написанным его учеником, лауреатом Нобелевской премии Фридрихом Хайеком. Издатели сочли целесообразным включить это предисловие в русское издание.

Б. Пинскер

Р. Левита

---

¹ Ludwig von Mises, *Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus*, Jena, Verlag von Gustav Fischer, 1922.

² Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, London, Jonathan Cape, 1936.

³ Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, Indianapolis. Liberty Classics, 1981.

Предисловие

«Социализм», впервые появившись в 1922 г., произвел сильное впечатление. Эта книга постепенно изменила существо взглядов многих молодых идеалистов, которые вернулись к своим университетским занятиям после Первой мировой войны. Я знаю это, потому что был одним из них.

Мы чувствовали, что цивилизация, в которой мы выросли, рухнула. Мы были нацелены на строительство лучшего мира, и именно это желание пересоздать общество привело многих из нас к изучению экономической теории. Социализм обещал желаемое – более рациональный, более справедливый мир. А потом появилась эта книга. Она нас обескуражила. Эта книга сообщила нам, что мы не там искали лучшее будущее.

Ряд моих современников, позднее приобретших известность, но тогда не знавших даже друг друга, прошли сходный путь (например, Вильгельм Рёнке в Германии и Лайонел Роббинс в Англии)^[1]. Никто из нас не был до этого учеником Мизеса. Я познакомился с ним, работая во Временном управлении австрийского правительства, которому было доверено проведение в жизнь некоторых положений Версальского договора. Он был моим начальником, директором департамента.

Тогда Мизес был больше известен своей борьбой с инфляцией. Он приобрел доверие правительства и, будучи финансовым советником Австрийской торговой палаты, постоянно подталкивал его на тот единственный путь, который обещал предотвратить полное крушение финансовой системы. (За первые восемь месяцев работы под его руководством мое жалованье увеличилось в 200 раз.)

Многие из нас, студентов начала 20-х годов, знали о Мизесе как о довольно замкнутом университетском преподавателе, который лет за десять до этого опубликовал книгу⁴, в которой положения австрийской школы предельной полезности^[2] были применены к теории денег. Эту книгу Макс Вебер^[3] выделил как наиболее толковую по данному вопросу. Возможно, нам следовало бы знать и то, что в 1919 году Мизес также опубликовал весьма глубокое исследование в области социальной философии, в котором рассматривались проблемы нации, государства и хозяйственной жизни⁵. Эта книга, однако, так и не получила широкой известности, и я открыл ее для себя, только став его подчиненным в правительственном учреждении в Вене. Как бы то ни было, первая публикация книги «Социализм» была для меня большим сюрпризом⁶. Насколько я знал, в предыдущие (и чрезвычайно загруженные) 10 лет у Мизеса едва ли было время для академических занятий, а эта книга представляет собой солидный трактат о социальной философии, свидетельствующий о независимом и критическом осмыслении автором почти всей существовавшей литературы.

В первые 12 лет нашего века Мизес, пока его не призвали в армию, изучал экономические и социальные проблемы. К этим вопросам его привлекла, как и мое поколение двадцатью годами позже, всеобщая увлеченность *Sozialpolitik*^[4] – подобием английского «фабианского» социализма^[5]. Его первая книга⁷, опубликованная когда он еще изучал право в Венском уни-

---

⁴ Ludwig von Mises, *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*, München und Leipzig: Duncker & Humblot, 1912 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. М.; Челябинск: Социум, 2012. С. 373 сл.].

⁵ Ludwig von Mises, *Nation, Staat und Wirtschaft: Beiträge zur Politik und Geschichte der Zeit*, Wien: Manz'sche Verlags und Universitäts-Buchhandlung, 1919 [Мизес Л. фон. Нация, государство и экономика: о политике и истории нашего времени. М.; Челябинск: Социум, 2016].

⁶ Ludwig von Mises, *Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Socialismus*, Jena: Gustav Fisher, 1922.

⁷ Ludwig von Mises, *Die Entwicklung des gutsherrlichbauerlichen Verhältnisses in Galizien, 1772–1848*, Wien und Leipzig: Franz Deuticke, 1902.

верситете, была пронизана духом господствовавшей немецкой «исторической школы», сосредоточенной почти исключительно на проблемах «социальной политики»^[6]. Позднее он даже присоединился к одной из тех организаций, которые побудили немецкий сатирический еженедельник изобразить экономистов как людей, которые обмеряют жилище рабочего и приговаривают: очень тесное. Но изучая в ходе занятий юриспруденцией политическую экономию, Мизес открыл для себя экономическую теорию Карла Менгера^[7], который в то время как раз оставил профессуру и вышел в отставку. Как говорит Мизес в автобиографических заметках⁸, книга Менгера «Основы учения о народном хозяйстве»⁹ сделала его экономистом. Пройдя через тот же опыт, я знаю, что он имеет в виду.

Первоначально Мизес интересовался преимущественно исторической стороной проблем и приобрел благодаря этому редкую среди теоретиков широту исторической эрудиции. Но, в конце концов, неудовлетворенность тем, как историки, а особенно историки экономики, истолковывали факты, подтолкнула его к изучению экономической теории. Он был вдохновлен Ойгеном Бём-Баверком^[8], который вернулся к профессуре после службы на посту министра финансов Австрии. В предвоенное десятилетие семинар Бём-Баверка был главным центром экономических дискуссий. В нем участвовали Мизес, Йозеф Шумпетер и выдающийся теоретик австрийского марксизма Отто Бауэр^[9], выступления которого в защиту марксизма длительное время были в центре дискуссий. В этот период идеи Бём-Баверка о социализме ушли, видимо, достаточно далеко за пределы того, что он успел опубликовать в нескольких работах перед своей ранней смертью. Нет сомнений, что именно здесь сложились основные идеи Мизеса о социализме, хотя сразу после публикации первой книги «Теория денег и кредита» (1912) он утратил возможности для дальнейшей работы, поскольку был призван в армию, где пробыл до самого конца Первой мировой войны.

Почти все эти годы Мизес служил офицером артиллерии на Русском фронте, хотя последние месяцы войны он провел в экономическом управлении Министерства обороны. Следует предположить, что он начал работать над «Социализмом», только оставив службу в армии. Вероятно, большая часть книги была написана между 1919 и 1921 гг.: основной раздел об экономических вычислениях при социализме был спровоцирован цитируемой им книгой Отто Нейрата^[10], вышедшей в 1919 г. То, что в тогдашних условиях он выкроил время, чтобы сосредоточиться над обширнейшей теоретической и философской работой, остается истинным чудом для того, кто хотя бы в последние месяцы этого периода почти ежедневно видел его погруженным в дела службы.

Как я уже отметил выше, «Социализм» потряс наше поколение, и усвоение основной идеи этой книги было для нас делом нелегким и мучительным. Мизес, конечно же, продолжал размышлять над этими проблемами, и многие из его позднейших идей были развиты в ходе «частного семинара», который он начал вести примерно в то время, когда был опубликован «Социализм». Я присоединился к семинару двумя годами позже, после года занятий в докторантуре в США. Хотя вначале у него было немного бесспорных последователей, молодые люди, проявившие интерес к проблематике, лежащей на границе между философией и теорией общества, воспринимали его восторженно. Зрелые профессионалы восприняли книгу с безразличием либо враждебно. Я помню всего одну рецензию, в которой проявились следы понимания важности книги, да и ту написал престарелый либеральный политик – реликт XIX века. Тактика оппонентов заключалась в том, чтобы представить его экстремистом, идеи которого никто не разделяет.

⁸ Ludwig von Mises, *Notes and Recollections*, Foreword by Margit von Mises, trans. and postscript by Hans F. Sennholz, South Holland, Ill, Libertarian Press, 1978, p. 33 [Мизес Л. фон. Заметки и воспоминания // Мизес Л. фон. Воспоминания и история австрийской школы. Рецензии. М.: Челябинск: Социум, 2016].

⁹ Menger, *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, Wien, 1871 [Мензер К. Основания политической экономии. М.: Территория будущего, 2005. С. 57–284].

Взгляды Мизеса и в следующие два десятилетия развивались и нашли выражение в первом немецком издании (1940) книги, которая стала знаменитой под названием «Человеческая деятельность»¹⁰. Но для первых последователей Мизеса именно «Социализм» навсегда остался его решающим вкладом в науку. Эта книга поставила под вопрос мировоззрение поколения и мало-помалу изменила мышление многих. Члены венского кружка не были учениками Мизеса. Большинство пришли к нему с уже законченным экономическим образованием и лишь постепенно смогли принять его нешаблонные взгляды. Возможно, на них не в меньшей степени повлияли его обескураживающе правильные предвидения дурных последствий текущей экономической политики, чем убедительность его аргументов. Мизес вряд ли ожидал, что они примут все его воззрения, и дискуссии очень выигрывали от того, что члены кружка только постепенно расставались со своими взглядами. «Школа Мизеса» возникла только позже, когда он завершил развитие своего учения об обществе. Сама открытость системы обогащала его идеи и дала возможность некоторым из его последователей развить их в несколько ином направлении.

Аргументы Мизеса было не так-то легко воспринять. Порой требовались личные контакты и обсуждения, чтобы понять их полностью. При том что они были изложены обманчиво простым языком, изучающему требовалось еще и понимание экономических процессов – качество, встречающееся не так уж часто. Эта трудность особенно ясна в случае с его основным аргументом о невозможности экономических расчетов при социализме. При чтении оппонентов Мизеса возникает впечатление, что они на самом деле не понимают, зачем же нужны эти расчеты. Они рассматривают проблему экономических расчетов, как если бы все дело было в налаживании учета на социалистических предприятиях, а не в выборе того, что и как следует производить. Они удовлетворяются любым набором магических цифр, если он кажется пригодным для контроля за операциями управляющих – этих пережитков капиталистической эпохи. Похоже, им никогда и в голову не приходило, что вопрос не в игре цифр, а в подыскании тех единственных показателей, с помощью которых управляющие производством могут судить о значении своей деятельности в рамках взаимно согласующейся структуры хозяйственной деятельности. В результате Мизес пришел к осознанию того, что его критиков отличает совершенно иной интеллектуальный подход к социальным и экономическим проблемам, а не просто иное толкование отдельных фактов. Чтобы переубедить их, необходимо продемонстрировать потребность в совершенно иной методологии. Это и стало его основной заботой.

Публикация в 1936 г. английского издания «Социализма» была в основном заслугой профессора Лайонела Роббинса (ныне он – лорд Роббинс). Он нашел весьма квалифицированного переводчика – бывшего студента Лондонской школы экономики Жака Кахане (1900–1969), который остался активным членом кружка академических ученых этого поколения, хотя сам сменил поле деятельности. После многих лет работы в одной из крупнейших зерноторговых фирм Кахане завершил карьеру, работая в Риме в Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и в Вашингтоне во Всемирном Банке^[11]. Последний раз я читал текст «Социализма» в форме машинописного перевода Кахане, а перечитал его только теперь, готовясь к написанию этого предисловия.

Все это побуждает к тому, чтобы поразмыслить о значимости некоторых аргументов Мизеса по прошествии столь долгого времени. Естественно, что значительная часть работы звучит сегодня не так оригинально или революционно, как в прежние годы. Во многих отношениях эта книга стала одним из «классических» сочинений, которую принимают как данность и в которой не ищут ничего нового и поучительного. Я должен признать, однако, что сам был

¹⁰ На немецком языке она вышла в Швейцарии, в Женеве, под названием «Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens» («Экономическая теория: теория действий и хозяйствования»). С первого американского издания (1949) она носит название «Human Action». [Подзаголовок английского названия: «A Treatise on Economics». На русском впервые опубликована в 2001 г. в издательстве «Экономика» под названием «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории»].

поражен не только тем, сколь большая часть ее все еще актуальна для сегодняшних споров, но и тем, что многие аргументы, которые некогда я принимал лишь отчасти как односторонние и преувеличенные, оказались поразительно истинными. Я и до сих пор кое с чем не согласен, но не думаю, что сам Мизес был бы недоволен этим. Уж конечно, он был не из тех, кто рассчитывает на некритичное восприятие последователями своей аргументации и на этой основе – на прекращение какого-либо интеллектуального прогресса. Но в целом я обнаружил, что различие наших взглядов намного меньше, чем я ожидал.

Я, в частности, не согласен с утверждением Мизеса, которое изложено на с. 408 настоящего издания. У меня всегда возникали проблемы с этим основным философским утверждением, но только сейчас я в состоянии сформулировать природу этих проблем. Мизес утверждает в этом отрывке, что либерализм «рассматривает все виды общественного сотрудничества как эманацию разумно понимаемой пользы, когда всякая власть базируется на *общественном мнении*, а потому невозможны действия, способные помешать свободному принятию решений мыслящим человеком». Сегодня я полагаю, что неверна только первая часть этого утверждения. Крайний рационализм этого утверждения, которого Мизес как истинное дитя своего времени *не мог избежать* и с которым он, возможно, так и не расстался, теперь мне представляется совершенным заблуждением. Бесспорно, что рыночная экономика стала преобладающей формой не в силу разумного понимания ее выгод. Мне представляется, что основное в учении Мизеса – это демонстрация того, что мы приняли свободу *не* потому, что поняли, какие выгоды она могла бы принести; что мы *не* изобрели и, конечно же, *не* были достаточно умны, чтобы изобрести тот строй жизни, который начали слегка понимать только спустя долгое время после того, как увидели его действие. Человек *сделал выбор* его только в том смысле, что он научился отдавать предпочтение чему-то из уже существовавшего, а по мере того, как росло понимание, он смог и усовершенствовать условия своей деятельности.

К большой чести Мизеса, он смог в немалой степени освободиться от этой рационалистически-конструктивистской исходной посылки, но дело все еще не закончено. Более чем кто-нибудь другой Мизес помог нам понять нечто, чего мы не изобретали.

Есть и еще один момент, который требует осторожности от современного читателя. Полстолетия назад Мизес еще мог говорить о либерализме в смысле, который более или менее противоположен тому, что называется сегодня этим именем в США и все чаще в других местах. Он считал самого себя либералом в классическом смысле, как это было принято в XIX веке. Но прошло уже почти сорок лет с тех пор, как Йозеф Шумпетер был вынужден заявить, что в Соединенных Штатах враги свободы «сочли разумным присвоить себе это имя как высший, но совершенно незаслуженный комплимент»^[12].

В эпилоге, который был написан в Соединенных Штатах через 25 лет после первой публикации книги, Мизес демонстрирует свое понимание этого обстоятельства, комментируя неправильное использование термина «либерализм». Прошедшие с тех пор тридцать лет только подтвердили этот комментарий, так же как они подтвердили и последнюю часть первоначального текста – «Деструкционизм». Эти главы при первом чтении просто шокировали меня своим необычайным пессимизмом. При перечитывании я был потрясен скорее дальновидностью автора, чем его пессимизмом. На деле большинство современных читателей обнаружат, что «Социализм» гораздо актуальнее сейчас, чем в то время, когда впервые появился на английском языке, т. е. уже более сорока лет назад.

Ф. А. Хайек

Август 1978 г.

Предисловие ко второму английскому изданию

Сегодня мир расколот на два враждебных лагеря, сражающихся друг с другом с крайним неистовством, — на коммунистов и антикоммунистов. Мощная риторика обоих лагерей скрывает тот факт, что противники совершенно согласны между собой по вопросу о конечных целях экономической и социальной организации человечества. Оба стремятся к уничтожению частного предпринимательства и частной собственности на средства производства и к построению социализма. Оба хотят на место рыночной экономики поставить всесторонний правительственный контроль. Впредь решения отдельного человека — покупать или воздержаться от покупок — не смогут влиять на структуру производства, на количество и качество производимого. Все это будет определять единый правительственный план. «Отеческая» забота «государства благосостояния»^[13] низведет всех до положения крепостных работников, которые обязаны, не задавая вопросов, повиноваться приказам планирующих органов.

Точно так же нет никаких существенных различий между намерениями самозванных «прогрессистов», с одной стороны, и итальянских фашистов и германских нацистов — с другой. Фашисты и нацисты не меньше стремились к всесторонней регламентации экономической деятельности, чем те правительства и партии, которые столь пламенно заявляли о своем антифашизме. Г-н Перон в Аргентине^[14] пытается воплотить схему, которая в точности повторяет Новый курс и Справедливый курс^[15] и которая, если ее вовремя не остановят, приведет со временем к полному социализму.

Не следует смешивать великий идеологический конфликт нашей эпохи с обычным соперничеством между различными тоталитарными движениями. Ведь дело не в том, кто именно будет управлять тоталитарным механизмом. Действительная проблема в том, сумеет ли социализм вытеснить рыночную экономику.

Именно этому вопросу и посвящена моя книга.

Мировая ситуация существенно изменилась с момента первой публикации книги. Но все эти чудовищные войны и революции, чудовищные массовые убийства и ужасные катастрофы не изменили основного: идет отчаянная борьба между теми, кто любит свободу, благосостояние и цивилизацию, и растущим приливом тоталитарного варварства.

В Эпilogue я рассматриваю важнейшие аспекты событий последних десятилетий. Более подробное исследование соответствующих проблем содержится в трех моих книгах, опубликованных издательством Йельского университета:

Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война;

Бюрократия;

Человеческая деятельность: трактат по экономической теории.

Людвиг фон Мизес

Нью-Йорк, июль 1950 г.

Предисловие ко второму немецкому изданию

Далеко не ясно, существовал ли до середины XIX века какой-либо отчетливый вариант социалистической идеи, т. е. намерение обобществить средства производства и соответственно установить централизованный общественный, или, точнее, государственный, контроль над производством. Ответ зависит в первую очередь от того, считаем ли мы требование централизованного управления средствами производства во всем мире существенной чертой социалистической концепции. Для прежних социалистов «естественной» была идея об автаркии малых территорий, а любой товарообмен поверх границ они считали «искусственным» и вредным. Только после того, как английские фритредеры доказали преимущества международного разделения труда, а движение Кобдена^[16] сделало их взгляды популярными, социалисты занялись «конверсией» своих представлений о деревенском и районном социализме в идеи национального и, наконец, мирового социализма. В любом случае, отвлекаясь от этого момента, можно считать, что основы концепции социализма были разработаны во второй четверти XIX века писателями, которых марксизм считает «утопическими социалистами». Планы социалистического устройства общества активно обсуждались в тот период, но результаты оказались не в пользу авторов. Утопистам не удалось создать общественные конструкции, которые бы выдержали критику экономистов и социологов. В их схемах зияли дыры: было легко доказать, что общество, основанное на таких принципах, будет нежизненным и недееспособным и уж во всяком случае не оправдает ожиданий. Потому-то к середине XIX столетия стало казаться, что идея социализма ушла в прошлое. Наука продемонстрировала ее ничтожность средствами строгой логики, и ее сторонники не смогли выдвинуть ни одного контраргумента.

В этот момент и появился К. Маркс. Выученик гегелевской диалектической школы, благоприятствующей всяким злоупотреблениям тех, кто стремится к интеллектуальной власти с помощью произвольных фантазий и метафизического многословия, он быстро вывел социалистическую идею из тупика. Поскольку против социализма свидетельствовали наука и логика, следовало разработать систему, которая была бы устойчивой к такой критике. За решение этой задачи и взялся Маркс. Он двигался в трех направлениях. Во-первых, он отверг притязание логики на истинность для всех времен и всех народов. Мышление, доказывал он, определяется классовой принадлежностью мыслителя, представляет собой «идеологическую надстройку» над его классовыми интересами. Рассуждения, которые отвергали социалистическую идею, были «разоблачены» как «буржуазные», как апология капитализма. Во-вторых, было заявлено, что диалектическое развитие с необходимостью ведет к социализму; целью и концом всей истории является обобществление средств производства мерами экспроприации экспроприаторов как отрицание отрицания. Наконец было постановлено, что никому не позволено выдвигать подобно утопистам какие-либо определенные планы устройства обетованной земли социализма. Поскольку приход социализма неизбежен, науке подобает категорически отвергать все попытки предопределить его устройство.

Никогда в истории никакое учение не встречало такой немедленной и полной поддержки, как это трехзвенное учение Маркса. Обычно недооценивают силу и размах его успеха. Эта недооценка имеет причиной то, что обычно к марксистам причисляют только тех, кто считает себя формально членом той или иной партии, объявляющей себя марксистской, и кто признает своей обязанностью безусловно придерживаться того толкования доктрины Маркса и Энгельса, которое признается их сектой. При этом, естественно, именно такие толкования и рассматривают как последний источник знаний об обществе и высшую норму политики. Но если мы обозначим как «марксистов» всех, кто признает основные принципы марксизма: классовую обусловленность мышления, неизбежность социализма и ненаучность попыток исследования природы и функционирования социалистического общества, мы обнаружим, что в

Европе к востоку от Рейна очень мало немарксистов и даже в Западной Европе и в США его сторонников много больше, чем оппонентов. Верующие христиане нападают на материализм марксизма, монархисты – на его республиканизм, националисты – на его интернационализм. Но при этом все они желают считаться христианскими социалистами, государственными социалистами, национал-социалистами. Они утверждают истинность только своего социализма: именно он придет и принесет с собой счастье и удовлетворение. Другие виды социализма, говорят они, в отличие от их собственного не подлинны по своему классовому происхождению.

В то же самое время все они строго соблюдают запрет Маркса на любое исследование институтов социалистической экономики будущего и при этом пытаются доказывать, что существующая хозяйственная система неизбежно ведет к социализму в соответствии с неизменными законами исторического развития. Конечно же, не только марксисты, но и большинство тех, кто считает себя антимарксистами, следуют марксистской логике, принимают произвольные, недоказуемые и легко опровергаемые догмы марксизма. Если им удастся добраться до власти, они управляют и действуют в полном соответствии с духом социализма.

Несравнимый ни с чем успех марксизма обязан обещанию исполнить мечты о счастье и мечты о возмездии, которые столь глубоко укоренились в душе человека с незапамятных времен. Он обещает рай на земле, страну с молочными реками и кисельными берегами, полную счастья и наслаждения, а также – что еще слаще для всех, кому пришлось плохо, – он обещает низвержение тех, кто сильнее и лучше массы. Естественно, что приходится отодвинуть в сторону логику и разум, которые могли бы показать абсурдность этих мечтаний о мести и блаженстве. Марксизм есть радикальнейшая из реакций против установленного рационализмом господства научной мысли. Марксизм – это антилогика, антинаука, антимышление, ведь его главный принцип – это запрет на мышление и исследование, особенно в тех случаях, когда они затрагивают вопросы устройства и функционирования социалистической экономики. Показательно, что он нацепил на себя ярлык «научного социализма» и таким образом приобщился к престижу науки, доказавшей победоносность своих методов, но использовал свое влияние как раз для борьбы с применением научных методов в исследовании социализма. Русские большевики настойчиво твердят, что религия есть опиум для народа. Марксизм-то и есть опиум для тех высших слоев, которые могут мыслить и которых нужно отвратить от мышления.

В новом издании моей существенно переработанной книги я переступаю через почти повсеместно соблюдаемый Марксов запрет и подвергаю анализу проблемы социалистического устройства общества, анализу средствами социологической и экономической теории. Вспоминая с признательностью тех, чьи исследования сделали возможным работу в этой области для всех остальных, в том числе и для меня, я особенно рад тому, что именно мне удалось пробить дорогу через наложенный марксизмом запрет на научное исследование этих проблем. Задачи, на которые ранее не обращалось внимания, вышли на передний план научных интересов, и обсуждение проблем капитализма и социализма было поставлено на новую почву. Те, кто прежде отделялся немногими темными замечаниями о будущем социалистическом блаженстве, теперь принуждены изучать природу социалистического общества. Проблема выявлена, и теперь ее уже нельзя игнорировать.

Как и следовало ожидать, социалисты всех мастей и оттенков – от экстремистских советских большевиков до *Edelsozialisten*^[17] культурных стран – пытались опровергнуть мои доказательства и выводы. Успеха они не добились; они даже не сумели выдвинуть ни одного нового аргумента, который бы не был уже мною рассмотрен и отвергнут. В настоящее время научное изучение основных проблем социализма идет по тем направлениям, по которым шли мои исследования.

Особенно широкий отклик получили мои выводы, что в социалистическом обществе окажется невозможным экономический расчет. За два года до появления первого издания этой книги я опубликовал статью «Экономический расчет в социалистическом обществе» в «Archiv

für Sozialwissenschaft» (47. Bd., № 1), и этот текст почти слово в слово воспроизводится в обоих изданиях книги^[18]. Проблема, которую до этого почти не замечали, стала предметом оживленной дискуссии не только в немецкоязычных странах, но и за их пределами. Можно с чистой совестью заявить, что дискуссия теперь закрыта; едва ли нынче кто-либо способен оспорить мои утверждения.

Вскоре после появления первого издания книги Генрих Херкнер, последователь Густава Шмоллера^[19], опубликовал эссе, в котором поддержал все основные моменты моей критики социализма¹¹. Его заметки вызвали настоящую бурю среди немецких социалистов и в их литературном окружении. В результате в период катастрофической борьбы в Руре и гиперинфляции^[20] разгорелась острая полемика, получившая наименование «кризиса социальной политики». Результаты полемики были скудными. «Выхолощенность» социалистической мысли, которую вынужден был признать пылкий социалист, стала особенно явной в этом случае¹². О плодотворных результатах, которые могут быть получены теми, кто подходит к социалистическим проблемам с методами прямого научного анализа, свидетельствуют замечательные работы Поле, Адольфа Вебера, Репке, Хальма, Зульцбаха, Бруцкуса, Роббинса, Хатта, Визера, Бенна и других^[21].

Но научного исследования проблем социализма недостаточно. Следует также разрушить стену предубеждений, которые сейчас препятствуют объективному постижению проблемы из-за господствующих социалистически-этатистских представлений^[22]. На любого сторонника социалистической политики смотрят как на адепта Блага, Нравственности и Благородства, как на самоотверженного борца за необходимые реформы, короче, как на человека, который бескорыстно служит своему народу и всему человечеству, и прежде всего как на честного и бесстрашного искателя истины. А всякий, кто подходит к социализму с меркой строгого научного анализа, объявляется носителем зла, негодяем, наемным слугой корыстных классовых интересов, угрожающих благосостоянию общества, и полным невеждой. Именно таков этот образ мыслей: то, что может быть установлено лишь научным исследованием, – капитализм или социализм лучше служит общему благу – считается само собой разумеющимся, безусловно решенным в пользу социализма. Результатам экономических исследований противопоставляются не аргументы, а «нравственный пафос», который столь характерен для стиля приглашений на Эйзенахский конгресс в 1872 г.^[23] и к которому столь склонны и социализм, и этатизм, потому что им обоим нечего противопоставить научной критике их учений.

Старый либерализм, стоявший на почве классической политэкономии, утверждал, что материальное положение всех наемных работников может постоянно улучшаться только в меру возрастания капитала и что только капиталистическое общество, основанное на частной собственности на средства производства, может обеспечить это. Современная субъективная школа политической экономики усилила и укрепила такое понимание с помощью своей теории заработной платы^[24]. Здесь современный либерализм целиком совпадает со старым либерализмом. Социализм верит, что он нашел в обобществлении средств производства систему, которая принесет всем богатство. Эти противоположные взгляды должны быть подвергнуты трезвому научному анализу: стремления к возмездию и моральные сетования ничем нам не помогут.

На самом деле социализм сегодня для многих, возможно, для большинства его сторонников есть предмет веры. Но у научной критики нет более благородной задачи, чем разрушение ложных верований.

¹¹ Herkner, *Sozialpolitische Wandlungen in der wissenschaftlichen Nationalökonomie* // *Der Arbeitgeber*, 13. Jahrgang, S. 35.

¹² Cassau, *Die Sozialistische Ideenwelt vor und nach dem Kriege* // *Die Wirtschaftswissenschaft nach dem Kriege. Festgabe für Lujó Brentano zum 80. Geburtstag*. München, 1925, I. Bd., S. 149 ff.

Для защиты социалистического идеала от разрушительной критики предпринимаются ныне попытки иначе, чем было принято, определять понятие «социализм». Мое собственное определение социализма как политики, которая стремится к созданию общественного порядка, при котором все средства производства обобществлены, вполне согласуется со всем, что писали на эту тему в научной литературе. Полагаю, нужно быть исторически слепым, чтобы не видеть того, что в последние сто лет это, и только это, понималось под социализмом и что только в этом смысле великое социалистическое движение было и остается социалистическим. Но к чему спор о словах! Если кто-то хочет присвоить название социалистического тому общественному идеалу, который стремится утвердить частную собственность на средства производства, – пусть его! Человек может называть собаку кошкой, а солнце – луной, если ему так нравится. Но такое выворачивание привычной и понятной каждому терминологии не ведет ни к чему хорошему и только усиливает непонимание. То, что составляет предмет моей книги, – это обобществление собственности на средства производства, т. е. та самая проблема, вокруг которой уже более столетия идет в мире такая ожесточенная борьба, проблема *χατέζοχη*^[25] для нашей эпохи.

Этого определения социализма нельзя обойти с помощью указания, например, что концепция социализма включает другие цели, помимо обобществления средств производства; возможно, что за всем этим стоит чисто религиозная идея или что социалистами движут на деле совсем другие мотивы. Сторонники социализма стоят на том, что единственная достойная своего имени разновидность социализма – это та, которая стремится к обобществлению средств производства по «благородным» мотивам. Другие, что слывят противниками социализма, согласны говорить о социализме, лишь если обобществление средств производства диктуется только «неблагородными» мотивами. Религиозные социалисты называют истинным социализмом только связанный с религией; атеистические социалисты настаивают на устранении Бога одновременно с частной собственностью. Но вопрос о том, как же может функционировать социалистическое общество, совершенно отличен от вопросов: верить ли в Бога или нет, руководствоваться или не руководствоваться мотивами, которые господин X считает благородными. Каждая группа социалистического движения убеждена, что лишь ее социализм правильный, а все остальные направления идут ложным путем; естественно, что при этом каждая партия пытается как можно резче подчеркнуть различие между особенностями собственных идеалов и особенностями идеалов других социалистических партий. Я уверен, что в ходе моего исследования сказал все, что необходимо, обо всех таких притязаниях.

В этом выпячивании особенностей отдельных социалистических направлений особую роль играет их отношение к проблеме демократии и диктатуры. И здесь мне нечего добавить к сказанному в книге (гл. 3, 15 и 31). Достаточно отметить, что плановая экономика, к которой стремятся сторонники диктатуры, социалистична не меньше, чем социализм социал-демократов.

Капиталистическое общество есть воплощение того, что следовало бы назвать экономической демократией, если бы этот термин благодаря усилиям лорда Пассфилда и г-жи Вэбб^[26] не начали использовать исключительно для обозначения системы, в которой рабочие не только как потребители, но и как производители могут принимать решения о структуре и объемах производства. Такое положение дел было бы столь же мало демократичным, как, скажем, политическое устройство, при котором правительственные служащие, а не весь народ, определяли бы способ управления государством, – нечто противоположное тому, что принято называть демократией. Когда мы называем капиталистическое общество демократией потребителей, мы имеем в виду, что власть над средствами производства, принадлежащая предпринимателям и капиталистам, может быть получена только с помощью голосов потребителей, собираемых ежедневно на рынках. Каждый ребенок, оказывающий предпочтение одной игрушке перед другой, опускает тем самым свой бюллетень в ящик для сбора голосов и, в конечном счете, опре-

деляет, кто же будет руководить производством. В этой демократии и на самом деле нет равенства: некоторые имеют много голосов. Но умноженное право голоса, которое дается большим доходом, может быть получено и удержано только в ходе выборов. Если потребление богатых давит на чашу весов сильнее, чем потребление бедных, – хотя, нужно заметить, есть немалая склонность переоценивать долю потребления состоятельных классов в общем балансе потребления, – то и это есть само по себе «результат выборов», поскольку в капиталистическом обществе богатство может быть получено и сохранено только в меру целенаправленного удовлетворения запросов потребителей. Так что богатство преуспевающих дельцов всегда является результатом плебисцита потребителей, и, однажды заслуженное, это богатство может быть сохранено, только если использовать его в соответствии с требованиями потребителей. Средний человек одновременно и более информирован, и менее подвержен коррупции, когда он принимает решения как потребитель, чем когда он участвует в политических выборах. Ведь есть же избиратели, которые, когда им приходится выбирать между свободной торговлей и протекционизмом, между золотым стандартом и инфляцией, не способны учесть все последствия своих решений. Покупатель, которому приходится выбирать между различными сортами пива или шоколада, решает, конечно, более легкую задачу.

Своеобразной особенностью социалистического движения является стремление часто обновлять обозначение своего идеально устроенного государства. Каждое изношенное обозначение заменяется другим, которое подстегивает надежды на конечное решение неразрешимых фундаментальных проблем социализма – и так до тех пор, пока делается ясным, что изменилось только имя. Последнее обозначение – «государственный капитализм». Не все понимают, что при этом имеется в виду то же самое, что и под именами «плановая экономика» и «государственный социализм», и что государственный капитализм, плановая экономика и государственный социализм только малыми деталями отличаются от «классической» идеи уравнительного социализма. Критика, содержащаяся в этой книге, направлена без различия на все мыслимые формы социалистического общества.

Отдельно рассмотрен только синдикализм в силу его фундаментального отличия от социализма (гл. 16, параграф 4).

Я надеюсь, что эти заметки убедят даже поверхностного читателя, что мои исследования и критика не ограничиваются марксистским социализмом. Я, конечно же, уделю марксизму места больше, чем другим разновидностям социализма, просто потому, что он сильно повлиял на все направления социалистического движения. Полагаю, что я рассмотрел все существенно важное для этих проблем и дал исчерпывающую критику основных черт немарксистских программ.

Моя книга – научное исследование, а не политическая полемика. Я проанализировал фундаментальные проблемы, обходя, насколько возможно, вопросы текущей экономической политики, политической борьбы правительств и партий. И я уверен, что это лучший путь, чтобы разобраться в основах политических проблем последних десятилетий и лет, и особенно в проблемах будущей политики. Только полное критическое рассмотрение идей социализма поможет нам понять, что же происходит вокруг.

Привычка говорить и писать об экономических вопросах, не разобравшись в существе проблем, сделала поверхностными публичные дискуссии по вопросам, жизненно важным для общества, а в результате направила политику прямо по пути разрушения цивилизации. Созданная немецкой исторической школой, а затем американскими институционалистами^[27] атмосфера недоброжелательства к экономической теории разрушила в этой сфере авторитет квалифицированных мыслителей. Наши современники полагают, что все вопросы, относимые к экономической теории и социологии, доступны всякому и каждому. Предполагается, что чиновники профсоюзов и предприниматели просто в силу своего положения призваны решать национально-экономические проблемы. «Практические люди» такого сорта, даже если они

сумели довести самих себя до разорения и банкротства, наслаждаются признанием в роли экономистов. Это положение должно быть изменено. Никакое желание избежать резких слов не должно в этом вопросе вести к компромиссу. Время сорвать маски с этих любителей.

Решение каждого из повседневно встречающихся экономических вопросов требует навыков мышления, которые доступны только тем, кто способен понять общую взаимозависимость экономических явлений. Только теоретические исследования, проникающие вглубь вещей, имеют действительную практическую ценность. Совершенно бесполезны диссертации, посвященные вопросам текущей политики: они слишком вдаются в частности и случайности, а потому и не видят главного и существенного.

Частенько говорят, что все научные исследования социализма бесполезны, потому что их могут понять только немногие, кто способен следить за ходом научной мысли. Массам все это так и останется непонятным. Для масс лозунги социализма звучат привлекательно, и люди пылко жаждут социализма, поскольку в ослеплении своем ожидают от него полного спасения и утоления жажды возмездия. Потому-то они и будут, как и прежде, работать на социализм, приближая неизбежный упадок цивилизации, которую тысячелетиями строили народы Запада. Все это обрекает нас на неминуемые хаос и нищету, на тьму варварства и уничтожение.

Я не разделяю этого мрачного взгляда. Так может случиться, но совсем не обязательно, что так все и будет. Большинство людей действительно не способны следить за сложными построениями мысли, и никакое обучение не поможет понять сложную мысль тем, кто не способен воспринять простую. Но как раз потому, что массы сами не способны мыслить, они следуют руководству тех, кого называют образованными людьми. Стоит убедить этих, и игра выиграна. Но я не хочу здесь повторять того, что уже говорил в первом издании книги в конце последней главы.

Я слишком хорошо знаю, насколько безнадежными кажутся усилия переубедить страстных поклонников социалистической идеи, логически демонстрируя, что их взгляды абсурдны и нелепы. Я хорошо знаю, что они не желают ничего слышать, видеть, а прежде всего думать, что они закрыты для любых аргументов. Но подрастают новые поколения с открытым умом и ясным зрением. И они будут подходить к вещам объективно, они будут взвешивать и анализировать, они будут мыслить и действовать осмотрительно. Для них написана эта книга.

Проведение более или менее либеральной политики на протяжении жизни нескольких поколений колоссально увеличило благосостояние мира. Капитализм поднял уровень жизни масс до уровня, который не могли бы и вообразить наши предки. Интервенционизм^[28] и попытки устроения социализма уже несколько десятилетий подрывают основания мировой экономической системы. Мы на краю пропасти, которая способна поглотить нашу цивилизацию. Исчезнет ли навсегда цивилизованное человечество либо в последний час катастрофу удастся предотвратить и ступить на единственный путь к спасению – мы имеем в виду воссоздание общества, основанного на неограниченном признании частной собственности на средства производства, – этот вопрос встанет перед поколениями, которым суждено действовать в грядущие десятилетия. Ответ на вопрос зависит от идей, которые будут направлять их действия.

*Людвиг фон Мизес
Вена, январь 1932 г.*

Введение

1. Успехи социалистических идей

Социализм – это лозунг и отличительный признак нашего времени. Социалистическая идея – доминанта духа современности. Массам она нравится. Она выражает мысли и чувства всех; она поставила свое клеймо на наше время. Когда будущий историк дойдет до нашего времени, он назовет эту главу «Эпоха социализма».

И ведь так оно и есть. Социализм не создал общества, в котором бы воплотился его идеал. Но в течение времени большего, чем жизнь поколения, политика цивилизованных народов была направлена к постепенному воплощению социализма¹³. В недавние годы движение заметно усилилось и осмелело. Некоторые народы попытались воплотить социалистическую программу в полном объеме – буквально одним ударом. На наших глазах русский большевизм уже совершил нечто, что независимо от нашей оценки значимости уже в силу самой грандиозности замысла должно рассматриваться как одно из самых поразительных свершений мировой истории. Никто и никогда не достигал столь многого. У других народов продвижению социализма вперед мешают только внутренние противоречия самого социализма и тот факт, что он не может быть воплощен полностью. Они также прошли сколько смогли при данных обстоятельствах. Принципиальной оппозиции социализму не существует.

Ни одна влиятельная партия сегодня не рискнет открыто защищать частную собственность на средства производства. Слово «капитализм» выражает в наше время тотальность зла. Даже противники социализма подчинены социалистическим идеям. Противостоящие социализму партии, особенно так называемые «буржуазные» или «крестьянские», которые пытаются противопоставить ему свои особые классовые интересы, косвенно признают существенность всех основных социалистических идей. Ведь если социалистической программе можно противопоставить только то, что она угрожает интересам части человечества, значит, социализм уже признан. Если кто-то осуждает систему социальной и экономической организации, основанную на частной собственности на средства производства, за то, что она служит интересам единственного слоя и сдерживает рост производительности труда, а потому требует (вместе со сторонниками разных «социал-политических» и «социал-реформистских» движений) государственного вмешательства в экономику, тем самым он признает принципы социалистической программы.

С другой стороны, если против социализма можно сказать только то, что он нереализуем в силу несовершенства человеческой природы или что при данных условиях хозяйствования не следует осуществлять полное обобществление, – это ведь и есть капитуляция перед социализмом. Националист также признает социализм, но только отрицает его интернационализм. Он желает соединения социализма с идеями империализма, чтобы бороться против других народов. Он – национальный, а не интернациональный социалист, но он также утверждает основные принципы социализма¹⁴²⁰⁴²¹.

---

¹³ «Сейчас можно фактически утверждать, что современная социалистическая философия является сознательным и явным выражением принципов организации общества, которые большей частью бессознательно уже приняты. Экономическая история этого века есть почти непрерывная летопись успехов социализма» (Sidney Webb, *Fabian Essays*, 1889, p. 30).

¹⁴ Ферстер⁴²⁰ в особенности отмечает, что рабочее движение достигло настоящей победы «в сердцах собственнических классов»; благодаря этому «нравственные силы сопротивления этих классов были подорваны» (Foerster, *Christentum und Klassenkampf*, Zürich, 1908, S. 111 ff.). В 1869 г. Принц-Смит⁴²¹ отметил, что социалистические идеи находят сторонников среди предпринимателей. Он указывает, что среди деловых людей, «как бы странно это ни звучало, есть такие, кто понимает свою собственную роль в национальной экономике со столь малой ясностью, что для них социалистические идеи выглядят

Среди сторонников социализма не только большевики и их друзья в различных странах, и не только члены многочисленных социалистических партий. Социалистами являются все, кто верит в экономическое и моральное превосходство социалистического строя перед строем, основанным на частной собственности на средства производства, даже если они по тем или иным причинам стремятся к постоянному или временному компромиссу между своими социалистическими идеалами и своими частными интересами.

Если мы определим социализм так широко, то увидим, что сегодня громадное большинство людей стоят на стороне социализма. Тех, кто исповедует принципы либерализма^[29] и считает единственно возможной формой экономической организации общества частную собственность на средства производства, очень немного.

Вот поразительный факт, иллюстрирующий успех социалистической идеи: мы привыкли называть социалистическими только те виды политики, которые стремятся к немедленной и полной победе социалистических программ, а движения, которые стремятся к тем же целям, но более умеренными и постепенными методами, мы обозначаем иначе, даже считаем их порой врагами социализма. Это может быть только результатом того, что число истинных противников социализма крайне мало. Даже на родине либерализма, в Англии, в стране, которая стала богатой и могущественной благодаря либеральной политике, люди больше не понимают истинного смысла либерализма.

Сегодняшние английские «либералы» – это более или менее умеренные социалисты¹⁵. В Германии, которая никогда не знала настоящего либерализма и которая обессилела и обнищала в результате антилиберальной политики, люди вряд ли имеют малейшее представление о том, что же такое на деле либерализм.

Громадная власть русских большевиков держится на полной победе социалистических идей в последние десятилетия. Сила большевизма не в советских пушках и пулеметах, но в том факте, что большая часть мира воспринимает их идеи с симпатией.

Многие социалисты считают большевистское предприятие преждевременным и провидят триумф социализма лишь в будущем. Но ни один социалист не остается равнодушным к словам, которыми Третий Интернационал призывает народы мира к войне с капитализмом^[30]. По всей земле ощущается тяготение к большевизму. У вялых и слабых людей симпатия к большевизму смешивается с чувствами ужаса и восхищения, которые всегда возбуждают в робких оппортунистах отважные фанатики. Более смелые и последовательные люди безо всяких колебаний приветствуют наступление новой эпохи.

как более или менее основательные. Отсюда у них ощущение нечистой совести, как если бы они признавали, что источником их прибыли служит доход наемных рабочих. Это делает их робкими и лишает проницательности. Это очень плохо. Нашей экономической цивилизации будет грозить серьезная беда, если ее активные деятели не смогут почерпнуть в чувстве полной своей правоты отвагу для решительной защиты ее основ» (Prince-Smith, *Gesammelte Schriften*, Berlin, 1877, I. Bd., S. 362). Принц-Смит, однако, не смог бы вести критическую дискуссию по вопросам социалистической теории.

⁴²⁰ Фридрих Вильгельм Ферстер (1869–1966) – немецкий теоретик политической этики, пацифист по убеждениям.

⁴²¹ Джон Принц-Смит – правильное Смит, Джон Принц, младший (1809–1874) – английский политэконом.

¹⁵ Это отчетливо видно из программы современных английских либералов (*Britain's Industrial Future, being the Report of the Liberal Industrial Inquiry*, London, 1928).

2. Научный анализ социализма

Исходный пункт социалистического учения – критика буржуазного устройства общества. Мы сознаем, что социалистические авторы были не слишком удачливы в этом деле. Мы знаем, что они не имели никакого представления о работе экономического механизма и что они не поняли функцию различных институтов общественного устройства, основанного на разделении труда и на частной собственности на средства производства. Нетрудно показать ошибки социалистических теоретиков при анализе экономических процессов: критики преуспели в разоблачении их экономических доктрин как грубого заблуждения. Но вопрос, является ли капиталистическое общество более или менее неудовлетворительным, не предопределяет решение вопроса, способен ли социализм предложить нечто лучшее. Мало доказать, что общественный порядок, основанный на частной собственности на средства производства, имеет недостатки и что он не создал лучшего из всех возможных миров; необходимо показать еще, что социалистическое устройство лучше. Только немногие социалисты пытались доказать это, а те, кто пытался, делали это большей частью в предельно ненаучном, порой даже в шутовском стиле. Наука социализма пребывает в зародышевом состоянии, и не в последнюю очередь винить в этом следует ту ветвь социализма, которая называет себя научной. Марксизму было мало того, что он представил переход к социализму как необходимую стадию эволюции общества. Если бы он не пошел дальше, он не оказал бы столь пагубного влияния на научное исследование проблем общественной жизни. Если бы он ограничился описанием социалистического общественного порядка как лучшего мыслимого устройства общественной жизни, он не смог бы принести столько вреда. Но своей софистикой он помешал научному изучению социологических проблем и отравил интеллектуальную атмосферу эпохи. В соответствии с марксистской концепцией общественное бытие определяет сознание. Классовая принадлежность автора определяет выражаемые им взгляды. Он не способен выйти за рамки своего класса или освободить свое мышление от давления классовых интересов¹⁶. Так была отвергнута сама возможность существования всеобщего научного знания, имеющего силу для всех людей независимо от их классового происхождения, и Дицген^[31] был совершенно последователен, когда шел к созданию особой пролетарской логики¹⁷. Истинной может быть только пролетарская наука: «Идеи пролетарской логики являются не только партийными идеями, но и выводами логики вообще»¹⁸. Так марксизм оградил себя от любой нежелательной критики. Не нужно опровергать врага: достаточно разоблачить его как агента буржуазии¹⁹⁴²²⁴²³⁴²⁴. Марксизм критикует всех

¹⁶ «Дело в том, что всякий ученый невольно поддается способу мышления того класса, среди которого он живет, и всякий вносит кое-что из этого способа мышления в свои научные воззрения» (Kautsky, *Die soziale Revolution*, 3. Aufl., Berlin, 1911, II, S. 39) [Каутский К. Социальная революция. Женева, 1904. С. 13].

¹⁷ Dietzgen, *Briefe fiber Logik, speziell demokratisch-proletarische Logik*, Internationale Bibliothek, 22. Bd., 2. Aufl., Stuttgart, 1903, S. 112: «Наконец, пролетарская логика уже по одному тому заслуживает такого названия, что ее понимание требует преодоления всех предрассудков, в которых погряз буржуазный мир» [Дицген И. Аквизит философии и письма о логике. 3-е изд. М., 1913. С. 114].

¹⁸ Ibid., S. 112 [Там же. С. 114].

¹⁹ Ирония истории в том, что и сам Маркс стал жертвой такого подхода. Унтерман⁴²² полагает, что «умственная жизнь даже типичных пролетарских мыслителей марксистской школы» содержит «остатки прошлых эпох мышления, хотя и в рудиментарной форме. Эти рудименты сказываются тем сильнее, чем большая часть жизни мыслителя прошла в буржуазном или феодальном кругу до момента, когда он присоединился к марксизму. Таковы печальные факты в случае с Марксом, Энгельсом, Плехановым, Каутским, Мерингом⁴²³ и другими видными марксистами» (Untermann, *Die Logischen Mangel des engeren Marxismus*. München, 1910, S. 125). Так же и Де Ман⁴²⁴ считает, что для понимания «особенностей и различия теорий» нужно принимать во внимание не только общественное происхождение мыслителя, но также и стиль его экономической и социальной жизни – «буржуазной жизни... в случае окончившего университет Маркса» (De Man, *Zur Psychologie des Sozialismus*, Neue Aufl., Jena, 1927, S. 17).

⁴²² Эрнст Унтерман – немецкий, а затем американский философ, последователь Дицгена; критиковал ряд положений марксизма с социалистических позиций.

инакомыслящих, представляя их в виде продажных слуг буржуазии. Маркс и Энгельс никогда не пытались противопоставить оппонентам какие-либо аргументы. Они оскорбляли, высмеивали, оплевывали, клеветали и порочили их. Последователи марксизма не менее умело пользуются всеми этими методами. Их полемика никогда не направлена на аргументы оппонента, но всегда – на его личность. Немногие смогли выдержать такой стиль полемики. Немногим, очень немногим хватило отваги, чтобы критически противостоять социализму, хотя это и является долгом ученого при подходе к любому объекту исследования. Только этим можно объяснить тот факт, что как сторонники, так и противники социализма без споров подчинились запрету, который марксизм наложил на подробное обсуждение экономических и социальных условий социалистического общества. С одной стороны, марксизм провозглашает, что обобществление средств производства есть цель, к которой все экономическое развитие ведет с неизбежностью законов природы; с другой стороны, он представляет это же обобществление как цель всей политической борьбы. Таким образом был продемонстрирован первый принцип социалистической организации. Запрет на изучение того, как работает социалистическое общество, в оправдание которого приводилась куча банальных аргументов, на деле имел целью скрыть слабости марксистского учения и избавить его от опасности разоблачения, неминуемой при обсуждении вопроса, как создать жизнеспособное социалистическое общество. Освещение сущности социалистического общества могло погасить энтузиазм масс, которые искали в социализме спасения от всех земных бед. Успешное подавление опасных исследований, которые были причиной провала всех предыдущих социалистических теорий, было мастерским тактическим ходом Маркса. Только благодаря тому, что люди не могли говорить или мыслить о природе социалистического общества, социализм сумел превратиться в господствующее политическое течение в конце XIX и в начале XX столетий.

Нельзя проиллюстрировать эти утверждения лучше, чем процитировав писания Германа Когена^[32] – одного из тех, кто в десятилетия перед мировой войной^[33] оказывал сильнейшее влияние на немецкую мысль. «Сегодня, – говорит Коген, – уж никак не отсутствие понимания может нам помешать в осознании сути социального вопроса, а значит, – хоть украдкой – и необходимости политики социальных реформ, но только злая или недостаточно благая воля. Неразумное требование представить для всеобщего обозрения картину будущего государства, имеющее целью привести в замешательство партию социализма, может быть объяснено только существованием таких порочных натур. На место нравственных требований права пытаются поставить картину государства, тогда как само понятие государства является производным от понятия права. Вот так в результате выворачивания понятий наизнанку смешивают этику социализма с поэзией Утопии. Но этика – не поэзия, а идея не требует образного воплощения. Ее образом является реальность, которая может возникнуть только по ее образцу. Сегодня можно видеть в правовом идеализме социализма универсальную истину общественного сознания, конечно, такую, что пока еще представляет собой общественную тайну. Только эгоизм, имплицитный идеалам обнаженной алчности, каковым является истинный материализм, отказывает ему в доверии»²⁰. Человек, который так говорил и писал, превозносился как величайший и отважнейший немецкий мыслитель своего времени, и даже противники уважали

⁴²³ Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) – русский философ-марксист, деятель международного и российского социалистического движения. Карл Каутский (1854–1938) – немецкий экономист и философ, пропагандист марксизма, деятель германского социалистического движения и II Интернационала. Франц Меринг (1846–1919) – немецкий философ и историк, последователь марксизма, деятель германского рабочего движения. Маркс, Энгельс, Каутский и Меринг происходили из зажиточных буржуазных семей; Плеханов по происхождению дворянин.

⁴²⁴ Гендрик Де Ман (1885–1953) – бельгийский социолог и политический деятель, один из лидеров бельгийских социалистов; в конце 20-х годов порвал с марксизмом.

²⁰ Cohen, *Einleitung mit kritischem Nachtrag zur neunten Auflage der Geschichte des Materialismus von Friedrich Albert Lange*, 3. Aufl., Leipzig, 1914, S. 115; см. также: Natorp, *Sozialpädagogik*, 4 Aufl., Leipzig, 1920, S. 201 f. [Наморн П. Социальная педагогика: теория воспитания воли на основе общности. СПб., 1911. С. 169 сл.]

его ум. Как раз по этой причине необходимо подчеркнуть, что Коген не только совершенно не критичен по отношению к требованиям социализма и принимает запрет на исследование механизмов социалистического общества, но он еще и клеймит как моральную низость всякую попытку привести в замешательство «партийный социализм» требованиями осветить проблемы социалистической экономики. В истории нередки случаи, когда смелость мыслителя, критический ум которого обычно не щадит ничего, застывает перед могущественным идолом своего времени – даже великий Кант^[34], перед которым так преклонялся Коген, виновен в этом грехе²¹. Но чтобы философ обвинил в злонамеренности, извращенности и открытой алчности не просто всех тех, кто держится иного мнения, но даже тех, кто только пытается прикоснуться к проблеме, опасной для сохранения авторитета, – это, к счастью, в истории мысли встречается редко.

Всякий, кто не подчинялся безусловно этому насилию, подлежал осуждению и запрету. Таким образом социализму удавалось из года в год расширять свое влияние, и при этом никто не пытался основательно исследовать вопрос, как же он будет работать. В результате, когда однажды марксистский социализм пришел к власти и начал реализовывать свою программу, ему пришлось признать, что у него нет отчетливого представления о том, к чему он десятилетиями стремился.

Обсуждение проблем социалистического общества есть в силу этого дело величайшей важности, и не только для понимания противоположности между либеральной и социалистической политикой. Без такого обсуждения невозможно понять ситуации, ставшие обычными после начала движения к национализации и муниципализации. До сих пор экономическая теория с объяснимой, но вызывающей сожаление односторонностью исследовала только механизм общества, основанного на частной собственности на средства производства. Пробел следует заполнить.

Должно ли общество быть построено на основах частной или общественной собственности на средства производства – это вопрос политический. Наука его не решает; она не выносит решений, ценна ли данная форма организации общества или не стоит ни гроша. Но только наука, исследуя действие общественных институтов, может создать основу для понимания общества. Хотя человек действия, политик, может порой не обращать внимания на результаты такого анализа, мыслитель никогда не упустит случая для изучения всего, что доступно уму человека. И в конечном итоге именно мысль должна определять действие.

---

²¹ Anton Menger, *Neue Sittenlehre*, Jena, 1905, S. 45, 62.

3. Альтернативные методы подхода к анализу социализма

Есть два подхода к проблемам, которые социализм ставит перед наукой. Философ культуры может попытаться найти социализму место в ряду других явлений культуры. Он выясняет его идейное происхождение, исследует его отношение к другим формам общественной жизни, ищет его скрытые источники в душе индивидуума, пытается понять его как массовое явление. Он исследует его влияние на религию и философию, на искусство и литературу. Он пытается показать его отношение к естественным и гуманитарным наукам своего времени. Он изучает его как стиль жизни, как выражение психики, как проявление моральных и эстетических воззрений. Это историко-культурно-психологический подход. На этот путь вступают все снова и снова, здесь создаются книги и статьи, имя которым легион.

Нам никогда не следует заранее выносить суждение о научном методе. Есть только один пробный камень его плодотворности – успех. Вполне возможно, что историко-культурно-психологический метод также сделает немалый вклад в разрешение проблем, которые ставит социализм перед наукой. Неудовлетворительность его результатов до сих пор следует приписать не только некомпетентности и политическим предрассудкам прежних исследователей, но прежде всего тому факту, что *социолого*-экономическое исследование проблем должно предшествовать историко-культурно-психологическому исследованию²². Ведь социализм есть программа преобразования экономической жизни и устройства общества в соответствии с определенным идеалом. Чтобы понять его воздействие на другие области умственной и культурной жизни, нужно сначала ясно понять его социальное и экономическое значение. До тех пор, пока эти вопросы не выяснены, неразумно подступаться к историко-культурно-психологическим толкованиям. Нельзя говорить об этике социализма, пока не выяснено его отношение к другим этическим системам. Адекватный анализ его реакций на религиозную и общественную жизнь невозможен, пока мы имеем только смутные представления о его существенных свойствах. Невозможно обсуждать социализм вообще, не изучив предварительно устройство и работу общества, основанного на общественной собственности на средства производства.

Это отчетливо дает себя знать каждый раз в исходных моментах историко-культурно-психологических исследований. Сторонники этих методов видят в социализме конечное осуществление демократической идеи равенства, не определив заранее, что же именно реально означают равенство и демократия и в каком отношении они находятся между собой, не уяснив также, насколько существенна для социализма идея равенства. Иногда они видят в социализме реакцию психики на духовное опустошение, производимое неотделимым от капитализма рационализмом; иногда, напротив, они утверждают, что социализм стремится к высочайшей рационализации хозяйственной жизни, которой никогда не достичь при капитализме^{23, 24, 25}. Здесь мы не станем обсуждать тех, кто загружает свой теоретический и культурный анализ социализма хаосом мистицизма и умонепостигаемых фраз.

²² В 20-х годах Мизес все еще обозначал науку о деятельности человека как «социологию». Позднее он решил использовать термин «праксеология» (производное от греческого *praxis*, что значит действие, привычка или обычай). В «Предисловии» к «Epistemological Problems of Economics» (Princeton, Van Nostrand, 1960; N. Y.: NYU Press, 1981) он следующим образом комментирует использование термина «социология» в статье 1929 г., включенной в эту книгу: «... в 1929 году я еще верил, что нет нужды в новом термине для обозначения общей теоретической науки о деятельности человека в отличие от исторических исследований, изучающих прошлые действия. Я думал, что для этой цели можно использовать термин *социология*, который, по мнению некоторых авторов, и был создан для обозначения такой общей теоретической науки. Только позднее я осознал, что это не целесообразно, и принял термин *праксеология*». – Прим. амер. изд.

²³ Мукле⁴²⁵ даже ожидает от социализма, что он принесет с собой одновременно «высочайшую рационализацию хозяйственной жизни» и «освобождение от самого чудовищного варварства – капиталистического рационализма» (Muckle, *Das Kulturideal des Sozialismus*, München, 1918).

⁴²⁵ Фридрих Мукле (1883–1945) – немецкий экономист; в 1918 г. был сотрудником и консультантом Курта Эйснера – премьер-министра временного правительства, сформированного в ходе ноябрьской революции в Баварии.

Эта книга исследует прежде всего социологические и экономические проблемы социализма. Мы должны разобраться с этими вопросами, прежде чем сможем обсуждать культурные и психологические проблемы. Анализ культуры и психологии социализма может опираться только на результаты этих исследований. Только социологический и экономический анализ может дать твердое основание для такого изображения, столь привлекательного для широкой публики социализма, которое позволит оценить его в свете общих упований рода человеческого.

Часть I

Либерализм и социализм

Глава I

Собственность

1. Природа собственности

Собственность, рассматриваемая как социологическая категория, представляет собой возможность использования экономических благ. Хозяином является тот, кто распоряжается благом.

Таким образом, социологическое и юридическое понятия собственности различны. Это вполне естественно, и можно только удивляться тому, что порой этот факт не вполне осознается. С социологической и экономической точек зрения собственность есть *владение* благами, необходимыми для достижения экономических целей человека²⁴. Это *владение* может быть названо натуральной или исходной собственностью, поскольку оно представляет собой физическое отношение к благам и не учитывает социальных отношений между людьми или правового порядка. Смысл же правовой концепции собственности как раз в том, что она делает различие между физическим *владеть* и правовым *должен владеть*. Закон признает и тех собственников, владельцев, у которых отсутствует это естественное *владение*, – тех, которые не обладают, хотя должны были бы обладать. В глазах Закона «он, у которого было украдено», остается владельцем, тогда как вор никогда не может обрести прав собственности. С экономической точки зрения, однако, только натуральное *владение* относится к делу, и экономический смысл правового термина *должно принадлежать* заключается лишь в оказании поддержки приобретению, сохранению и возврату натурального *владения*.

Для закона собственность есть однородное установление. Не важно, идет ли речь о собственности на блага первого или более высоких порядков. Безразлично, рассматривается ли собственность на потребительские блага длительного пользования или собственность на продукты питания и услуги. В этом безразличии проявляется формализм закона, не интересующегося экономическим смыслом происходящего. Конечно, закон не может вполне абстрагироваться от существенных экономических различий. Своеобразие земли как средства производства есть отчасти причина того, что землевладение рассматривается законом особым образом. Экономические различия более определены, чем в самом законе о собственности, выражены в отношениях, которые в социологическом плане эквивалентны отношениям собственности, но юридически только прилегают к ним – (имеются в виду сервитут и особенно узупфрукт^[35]). Но в целом закон формально в равной мере охватывает все независимо от материальных различий.

С экономической стороны собственность никоим образом не может быть единообразной. Собственность на потребительские блага и собственность на средства производства различаются во многих отношениях, так же как различна собственность на блага длительного пользования и собственность на блага, потребляемые одномоментно.

Блага первого порядка, т. е. потребительские блага, служат непосредственному удовлетворению желаний. Если это блага, используемые одномоментно, т. е. такие, которые по своей

---

²⁴ Böhm-Bawerk, *Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Güterlehre*, Innsbruck, 1881, S. 37.

природе могут быть использованы только единожды и теряют свои полезные свойства после использования, то весь смысл собственности практически сводится к возможности их потребить. Собственник может также сгноить их, не используя, либо сознательно уничтожить, либо обменять, либо отдать. В любом случае он распоряжается их принципиально неделимым употреблением.

Положение с благами длительного пользования, с теми благами, которые могут быть использованы неоднократно, несколько иное. Они могут служить последовательно нескольким людям. Опять-таки в экономическом смысле в качестве собственников здесь выступают те, кто может обратить в свою пользу потребительские свойства благ. В этом смысле комната принадлежит тому, кто занимает ее в рассматриваемый момент; Маттерхорн, поскольку эта гора в Альпах является частью природного парка, – тому, кто заберется на эту вершину, чтобы насладиться видами; владельцами живописного полотна являются те, кто наслаждается созерцанием его²⁵. *Обладание* полезными свойствами этих благ делимо, а значит, и собственность на эти блага также может быть совместной.

Производственные блага служат удовлетворению потребностей лишь непрямым образом. Они используются при производстве потребительских товаров. Потребительские блага возникают только в результате успешного соединения производственных благ и труда. Именно эта способность – непрямым образом служить удовлетворению потребностей – является отличительной характеристикой производственных благ. Распоряжаться производственным благом – значит физически *владеть* им. *Обладание* производственными благами имеет экономический смысл только потому и постольку, поскольку ведет в конечном итоге к *обладанию* потребительскими благами.

Благами одноразовыми, готовыми к потреблению, может *обладать* – и единожды – тот, кто их потребляет. Благами длительного пользования, готовыми к потреблению, могут *обладать* – поочередно – многие люди, но одновременное использование, даже если природа блага это допускает, приводит к тому, что одни мешают получать удовлетворение другим. Несколько человек одновременно могут любоваться картиной (хотя при этом некоторые из них не получают доступ к самой выгодной позиции разглядывания, что снижает их удовлетворение), но пальто не могут одновременно носить два человека. Применительно к потребительским товарам *обладание*, которое ведет к удовлетворению желаний, не может быть разделено в большей степени, чем это допускается природой самого блага. Это означает, что для одноразовых благ принадлежность одному полностью исключает принадлежность всем другим, а для благ длительного пользования принадлежность является исключительной, не допускающей ни малейшего участия других, по крайней мере в данный момент времени. Применительно к потребительским благам нельзя ни в коей мере представить другое экономически значимое отношение, кроме индивидуального натурального обладания. Как блага, потребляемые однократно и окончательно, так и блага длительного пользования (по крайней мере, та минимальная доля их, которая сохраняет полезность) могут находиться в натуральном владении только одного человека. Собственность здесь является одновременно и *частной* собственностью в том смысле, что другие люди лишаются преимуществ, создаваемых правом распоряжаться этими благами.

По этой же причине было бы абсурдно думать об устранении либо о реформировании собственности на потребительские блага. Никким образом невозможно изменить то, что яблоко съедается, а пальто изнашивается пользователем. Чисто физически потребительские блага не могут быть совместной собственностью нескольких или общей собственностью всех. В случае потребительских товаров то, что обычно называют совместной собственностью, подлежит разделу до потребления. Совместность владения прекращается в тот момент, когда благо потребляется или используется. Для потребителя *обладание* всегда индивидуально и исключи-

²⁵ Fetter, *The Principles of Economics*, 3 ed., N. Y., 1913, p. 408.

тельно. Совместная собственность не может быть ничем иным, как основанием для приобретения благ из общего запаса. Каждый индивидуальный партнер – владелец той части общего запаса, которую он может использовать для себя. При этом вопросы, является ли он законным собственником до дележа или же делается таковым лишь в результате дележа, да и становится ли он вообще собственником по закону и предшествует ли формальный акт дележа акту потребления, – все эти вопросы не относятся к экономической проблематике. Фактом является то, что и без всякого раздела он является собственником своей доли.

Совместное владение не может устранить собственности на потребительские блага. Оно только делает возможным такое распределение собственности, какое не возникло бы при иных условиях. Совместное владение самоограничено, как, впрочем, и все другие новации, замыкающиеся в сфере потребительских благ. Оно реализуется в необычном распределении существующих запасов. Когда этот запас распределен, дело кончено. Пустые кладовые таким путем не наполнить. Это под силу только тем, кто управляет наличными производственными благами и трудом. Если им не подходит то, что предлагается взамен, поток благ, заполняющий кладовые, иссякает. Таким образом, успех любой попытки изменить распределение потребительских благ неизбежно зависит от власти над средствами производства.

В противоположность ситуации с потребительскими благами *владение* производственными благами может быть разделено в физическом смысле. В условиях изолированного производства условия совместного *владения* производственными благами те же, что и в случае с потребительскими благами. Где нет разделения труда, владение благами может быть разделено, если можно разделить те услуги, которые создаются этими благами. Владение однородными производственными благами не может быть совместным. Владение производственными благами длительного пользования может быть совместным, если таков характер создаваемых этими благами услуг. Только один человек может обладать данным количеством зерна, но несколько человек могут поочередно пользоваться молотком. Река может вращать много мельничных колес. Нет ничего специфического в том, как решается вопрос о собственности на производственные блага. Но если существует разделение труда, *владение* такими благами обретает двусмысленность: физическое *владение* (непосредственное) и социальное *владение* (косвенное). Физически *владеет* тот, кто физически распоряжается вещью и производительно ее использует; в социальном плане *владеет* тот, кто, не имея возможности физически или юридически распоряжаться вещью, может косвенно воздействовать на результаты использования этой вещи, т. е. может выменивать или покупать те продукты или услуги, которые этой вещью производятся. В этом смысле натуральное владение в обществе с разделением труда – это владение и того, кто производит, и того, для чьих нужд производится. Крестьянин, живущий самодостаточным хозяйством вне системы обмена, может говорить о своих полях, своем плуге, своих выючных животных, имея в виду, что они служат только ему одному. Но фермер, производство которого связано с торговлей, который производит для рынка и покупает на рынке, является владельцем средств производства совсем в другом смысле. Он не контролирует свое производство так, как это делает самодостаточный крестьянин. Он не определяет цели своего производства; решают те, для кого он производит, – потребители. Они, а не производитель, определяют цель экономической деятельности. Производитель только направляет производство к тем целям, которые установлены потребителями.

Но более отдаленные владельцы средств производства не могут в этих условиях предоставить свое физическое *владение* средствами производства непосредственно на службу производству. Поскольку всякое производство представляет собой комбинацию различных средств производства, некоторые владельцы таких средств должны передавать свое право физического владения другим, чтобы последние могли привести в действие ту комбинацию, которая и способна производить. Владельцы капитала, земли и труда предоставляют эти факторы в распоряжение предпринимателя, который и берет на себя непосредственное управление

производством. Предприниматель опять-таки направляет производство согласно указаниям потребителей, которые являются не кем иным, как владельцами средств производства: собственниками капитала, земли и труда. Каждый из факторов получает ту долю продукта, на которую он экономически имеет право согласно ценности его производительного вноса.

В сущности, как видно, натуральное владение производительными благами весьма отлично от натурального владения потребительскими благами. Чтобы владеть производительными благами в экономическом смысле, т. е. извлекать из них пользу для своих экономических целей, вовсе не нужно владеть ими физически, как, например, должен владеть потребительскими благами тот, кто намерен их потребить или пользоваться ими длительное время. Чтобы выпить кофе, мне не нужно владеть кофейной плантацией в Бразилии, океанским сухогрузом и заводом, на котором обжаривают зерна, хотя все эти средства производства должны быть задействованы, чтобы чашечка кофе попала ко мне на стол. Достаточно того, что другие владеют этими средствами производства и используют их для меня. В обществе с разделением труда никто не является исключительным собственником средств производства – будь то материальные вещи или личная способность к труду. Все средства производства предоставляют услуги каждому, кто покупает или продает на рынке. Потому-то, если мы не склонны здесь рассуждать о совместной собственности потребителей и владельцев средств производства, нам придется рассматривать потребителей как истинных владельцев в физическом смысле, а собственников в юридическом смысле понимать как управляющих собственностью других людей²⁶⁴²⁶.

Это, однако, уведет нас слишком далеко от принятого смысла слов. Чтобы избежать неверного понимания, желательно сколь можно дольше обходиться без новых слов и никогда не использовать слова, имеющие какое-либо определенное значение, в совершенно другом смысле. Посему, оставляя в стороне любую специальную терминологию, давайте лишь подчеркнем еще раз, что в основе своей собственность на средства производства в обществе с разделением труда отличается от таковой же собственности в обществе, где разделения труда не существует, а также что она отличается от собственности на потребительские блага. Чтобы избежать непонимания, мы будем использовать слова «собственность на средства производства» в общепринятом смысле, т. е. для обозначения непосредственной власти распоряжаться ими.

2. Насилие и общественный договор

Физическое *обладание* экономическими благами, что в экономическом плане образует существо отношений собственности, могло стать владением только в результате захвата. Поскольку собственность не является чем-то независимым от воли и действий человека, невозможно представить себе иного способа возникновения собственности, как присвоение ничьих благ. Однажды установившись, собственность длится, пока не исчезнет ее объект, пока его либо уступят добровольно, либо он покинет своего владельца против его воли. Первое случается, когда владелец добровольно уступает свою собственность, второе – когда он расстается с ней вынужденно, например, когда стадо разбежится либо если кто-нибудь силой отнимет собственность.

Вся собственность имеет начало в захвате и насилии. Когда мы рассматриваем природные составляющие благ, не принимая во внимание входящий в них труд, и когда мы просле-

²⁶ См. стихи Горация⁴²⁶: Если же собственность – то, что купил ты на ферме за деньги, То ведь дает тебе то же (юристов спроси!) потребление. Поле, что кормит тебя, ведь твое; ибо Орбий-крестьянин, Нивы свои бороня, чтобы хлеб тебе вскоре доставить, Чует, что ты господин. Получаешь за деньги ты гроздья. Яйца, цыплят и хмельного кувшин... (2. Epistol, 2, 158–163 [Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 377]). Внимание экономистов к этому отрывку впервые было привлечено в кн.: Effertz, Arbeit und Boden, Berlin, 1897, 1. Bd., S. 72, 79 f.

⁴²⁶ Гораций (65–8 до н. э.) – римский поэт, автор исполненных философским духом стихотворных «Посланий».

живаем назад во времени юридические права, мы с необходимостью приходим к моменту, в который это право возникло из захвата чего-либо, к чему доступ имели все. И до этого момента мы можем обнаружить насильственную экспроприацию у предыдущего владельца, право которого можно проследить до еще более раннего присвоения или грабежа. Перед лицом тех, кто отрицает собственность из соображений естественного права, мы можем спокойно признать, что все права имеют своим первоисточником насилие, что вся собственность есть наследие присвоения или грабежа. Но отсюда вовсе не следует, что устранение собственности есть дело необходимое, разумное и морально оправданное.

Натуральная собственность не нуждается в признании других. Ее терпят фактически только до тех пор, пока нет силы, которая разрушит ее, и она не способна пережить момент, когда более сильный человек решит взять все себе. Созданная произвольной силой, она обречена всегда страшиться более могущественной силы. Именно такое положение дел доктрина естественного права назвала войной всех против всех^[36]. Война прекращается, когда существующие отношения получают признание как нечто стоящее сохранения. Из насилия возникает право.

Доктрина естественного права ошибочно сочла это великое изменение, которое подняло человека из состояния дикости к цивилизации, результатом сознательного процесса, результатом такой деятельности, когда человек полностью осознает свои мотивы, свои цели и пути их достижения. Предполагалось, что именно так был заключен общественный договор, в результате которого появились государство, общество и правовой порядок. Рационализм не мог найти никакого другого объяснения после отказа от прежней веры, которая вводила общественные установления к божественным источникам или, по крайней мере, к озарению, посещавшему человека по божественному вдохновению²⁷⁴²⁷. Поскольку результатом стало существующее положение вещей, люди рассматривали развитие общественной жизни как совершенно целесообразное и разумное. Как бы еще могло совершиться все это развитие, если не посредством сознательного выбора, признаваемого целесообразным и разумным? Сегодня у нас есть другие теории для объяснения всего этого. Мы говорим о естественном отборе в борьбе за существование и о сохранении приобретенных свойств, хотя все это на самом деле не приближает нас к пониманию конечных загадок ближе, чем объяснения теологические или рационалистские. Мы можем «объяснить» возникновение и развитие общественных установлений тем, что они были полезны в борьбе за существование, сказавши, что те, кто их принял и развил наилучшим образом, оказались лучше подготовленными к опасностям жизни, чем те, кто отстал в этом. Обращать внимание на неудовлетворительность такого объяснения сегодня – все равно что носить сов в Афины^[37]. Времена, когда оно нас удовлетворяло и когда мы выдвигали его как конечное решение всех проблем бытия и становления, давно прошли. Здесь та точка, в которой усилия отдельных наук соединяются, в которой начинаются великие философские проблемы – и в которой кончается вся наша мудрость.

Не нужно большого ума, чтобы показать, что закон и государство не могут быть возведены к общественному договору. Нет нужды привлекать утонченный аппарат исторической школы, чтобы показать, что никакой общественный договор никогда в истории не мог быть заключен. Научный реализм, несомненно, превосходил рационализм XVII и XVIII веков^[38] в знании того, что можно извлечь из текстов на пергаменте и надписей, но его социологическая проницательность была куда слабее. Как бы мы ни оценивали социальную философию рационализма, нельзя отрицать, что он достиг непреходящих результатов в раскрытии роли обще-

²⁷ Этатистская социальная философия⁴²⁷, возводящая все эти установления к «государству», возвращается к старому теологическому объяснению. При этом государству приписывается тот же статус, который теологи приписывали Богу.

⁴²⁷ Этатистская социальная философия – философия, объясняющая развитие общества деятельностью государства и его институтов.

ственных установлений. Именно рационализму, прежде всего, мы обязаны нашими первыми знаниями о функциональной значимости правового порядка и государства.

Экономическая деятельность нуждается в стабильных условиях. Протяженный во времени процесс производства бывает тем успешнее, чем дольше длится тот период, к условиям которого он приурочен. Он требует непрерывности, и ее нельзя нарушать, не рискуя самыми серьезными потерями. Это означает, что экономическая деятельность нуждается в мире, в исключении насилия. Мир, говорят рационалисты, является целью и задачей всех правовых установлений; мы предполагаем, что мир является их результатом, их функцией²⁸. Закон, говорят рационалисты, возник из договора; мы говорим, что закон есть урегулирование и конец раздора, избежание раздора. Насилие и закон, война и мир есть два полюса общественной жизни. Но содержанием этой жизни является экономическая деятельность.

Все насилие направлено на собственность других. Личность – ее жизнь и здоровье – становится объектом атаки постольку, поскольку она препятствует приобретению собственности. (Садистские эксцессы, кровавые выходки, совершаемые только ради жестокости, – это исключительные явления. Для их предотвращения не нужна вся система права. Сегодня врач, а не судья рассматривается как подходящий борец с этими явлениями.) И потому не случайно, что именно в деле защиты собственности закон с наибольшей ясностью раскрывает свой характер миротворца. В двунаправленной системе защиты *владения* при различении собственности и имущества особенно живо видно существо закона как миротворца – да, миротворца любой ценой. Имущество защищается, даже если оно, как говорят юристы, не имеет титула собственности³⁹. Не только честные, но и бесчестные владельцы, даже воры и грабители, могут прибегнуть к закону для защиты своего имущества²⁹.

Некоторые полагают, что собственность, как она проявляется в распределении имущества во всякий данный момент, может быть атакована с тех позиций, что она образовалась незаконно, в результате произвольного присвоения и насильственного ограбления. Согласно этому пониманию все законные права есть не что иное, как облагоустроенное временем беззаконие. Поскольку такое положение не согласуется с вечной, неизменной идеей справедливости, существующий законный порядок следует отвергнуть и на его месте утвердить новый, который будет согласовываться с этим идеалом справедливости. Задачей государства не должен быть «только учет сложившегося распределения имущества, не исследующий законности его источников». Скорее, «назначение государства состоит, прежде всего, в том, чтобы дать каждому свое, ввести его во владение его собственностью, а потом уже начать ее охранять»³⁰. При таком понимании приходится либо постулировать вечно действующую идею справедливости, которую государство должно распознать и реализовать, либо признать источником истинного закона – вполне в духе теории договора – общественный договор, каковой может возникнуть только в результате единодушного согласия индивидуумов отказаться в его пользу от части своих естественных прав. В основе обеих гипотез лежит представление естественного права о «прирожденных правах». Либо мы должны вести себя в соответствии с ними, как гласит первая точка зрения, либо согласно второй точке зрения нам следует отказаться от части своих прав в соответствии с условиями договора, запечатленного существующей системой права. Что же касается источника абсолютной справедливости, то он истолковывается иным способом. Согласно одному подходу это дар Провидения человечеству. Согласно другому – человек создал это понятие собственным разумом. Оба подхода совпадают в том, что способность человека отли-

²⁸ J. S. Mill, *Principles of Political Economy*, People's ed. London, 1867, p. 124 [Милль Дж. С. Основания политической экономии. СПб., 1909. С. 167–168].

²⁹ Dernburg, *Pandekten*, 6. Aufl., Berlin, 1900, 1. Bd., 11. Abt., S. 12.

³⁰ Fichte, *Der geschlossene Handelsstaat*, Hgb. Medicus, Leipzig, 1910, S. 12 [Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство. М., 1923. С. 35].

чать справедливость от несправедливости и есть то, что отделяет человека от животного; его «моральная природа».

Сегодня мы больше не можем принять эти взгляды, ибо предпосылки подхода к проблемам изменились. Для нас представление о природе человека как фундаментально отличной от природы всех других созданий кажется странным; мы больше не представляем себе человека существом, которое изначально носит в себе идею справедливости. Но, быть может, если мы не отвечаем больше на вопрос о происхождении закона, нам следует прояснить, что он не мог возникнуть законным образом. Закон не может породить себя из себя же. Его истоки лежат вне сферы закона. Те, кто сокрушается о том, что закон есть не что иное, как узаконенная несправедливость, не сознают, что иначе могло бы быть лишь в том случае, если бы закон существовал изначально. Если же предположить, что закон некогда возник, тогда то, что стало законом, не могло быть им до этого. Требовать, чтобы закон возник законно, – требовать невозможного. Поступающие так пытаются применить к тому, что находится вне рамок законного порядка, концепции, действительные только в рамках этого порядка.

Мы, способные видеть лишь результат закона, призванного устанавливать мир, должны осознать, что он мог возникнуть только из признания сложившегося порядка, как бы этот порядок ни образовался. Попытки иного подхода служили бы только обновлению и продлению вражды. Мир может прийти, только когда мы защищаем сложившееся положение дел от насильственных беспорядков и ставим каждое будущее изменение в зависимость от согласия всех участников. В этом реальное значение защиты существующих прав, что и составляет сердцевину всего закона.

Закон не возникает как нечто совершенное и законченное. Он развивался тысячелетиями и все еще продолжает свое развитие. Эпоха его зрелости – эпоха нерушимого мира – может никогда не наступить. Напрасно систематизаторы права догматически стремятся сохранить давнишнее различие между частным и публичным правом, доставшееся нам от прошлого и понимаемое на практике далеко не однозначно. Неудача таких попыток, склонившая многих отказаться от указанного различия, не должна удивлять нас. Это различие – догма, а не реальная действительность; система права однородна и не поддерживает его. Различие это исторично, оно – результат постепенной эволюции и совершенствования идеи права. Идея права была, прежде всего, реализована в той сфере, где поддержание мира было всего нужней для обеспечения целостности экономики, – в отношениях между индивидуумами. Только для дальнейшего развития цивилизации, которая вырастает на этом фундаменте, становится существенным установление мира в более высоких сферах. Этой цели и служит публичное право. Формально оно не отличается от частного права, но ощущается как нечто отличное. И это потому, что оно только позднее достигает того же развития, что частное право ранее. В публичном праве принцип защиты существующих прав еще не развит столь же сильно, как в частном праве³¹. С чисто внешней стороны незрелость публичного права легче всего узреть из того факта, что оно менее систематизировано, чем частное право. Международное право все еще неразвито. Во взаимоотношениях между народами все еще признается произвольное насилие как решение, приемлемое при некоторых условиях. В то же время в других областях, которые регулируются публичным правом, произвольное насилие в форме революции находится вне закона, хотя и нет средств для эффективного предотвращения такого насилия. В сфере частного права насилие совершенно вне закона, за исключением случаев необходимой обороны, когда особые обстоятельства допускают его как действие законной защиты.

---

³¹ Либерализм пытался расширить охрану приобретенных прав через развитие концепции прав человека и обеспечение правовой защиты их в суде. Этатизм и социализм, напротив, пытаются все основательнее ограничить сферу частного права в пользу публичного права.

Тот факт, что нечто ныне являющееся правом было изначально несправедливостью или, точнее говоря, было вне сферы права, не свидетельствует об ущербности правового порядка. Так может воспринимать ситуацию тот, кто пытается найти обоснование правопорядка в морали и справедливости. Но этот факт никоим образом не свидетельствует о необходимости или полезности отказа от системы собственности или ее изменения. Попытка доказать, что этот факт узаконивает требование уничтожения отношений собственности, – это абсурд.

3. Теория насилия и теория общественного договора

Торжество идеи права было медленным и трудным. Медленно и с трудом она вытесняла принцип насилия. Вновь и вновь одолевало старое; вновь и вновь история права начиналась сызнова. О древних германцах Тацит^[40] сообщает: «*Pigrum quin immo et iners videtur sudore acquirere quod possis sanguine parare*»^{32, [41]}. Эти взгляды безмерно далеки от тех, которые господствуют в современной хозяйственной жизни.

Такая противоположность взглядов выходит за пределы проблемы собственности и охватывает все наше отношение к жизни. Это противоположность между феодальным и буржуазным способами мышления. Первый подход выражен в романтической поэзии, красота которой восхищает нас, хотя предлагаемое ею видение жизни может увлечь нас только на миг, пока поэтическое впечатление еще свежо^{33, 428}. Второй подход развит социальной философией либерализма в великую систему, в сооружении которой сотрудничали лучшие умы всех времен. Ее величие отражено в классической литературе. В либерализме человечество приходит к осознанию сил, которые направляют его развитие. Тьма, покрывающая историческое прошлое, рассеивается. Человек начинает понимать общественную жизнь и вносит в ее развитие сознание.

Феодальный подход не достиг сходного уровня построения законченной системы. Было просто невозможно домыслить до конца, до логической завершенности теорию насилия. Попытайтесь полностью реализовать, хотя бы мысленно, принцип насилия, и его антиобщественный характер будет разоблачен. Он ведет к хаосу, к войне всех против всех. Никакими ухищрениями не избежать этого. Все антилиберальные теории общества с необходимостью остаются фрагментарными или ведут к самым абсурдным заключениям. Когда они упрекают либерализм в приземленности, в пренебрежении ради мелких забот повседневности всем высшим, они просто ломятся в открытую дверь. Ибо либерализм никогда не претендовал ни на что большее, чем быть философией повседневности. Он учит только тому, как действовать и выдерживаться от действий в земных делах. Он никогда не претендовал на то, что способен раскрыть Последнюю из Величайших Тайн Человека. Антилиберальные учения обещают все. Они обещают счастье и духовный мир, как если бы человек мог получить благословение свыше. Лишь одно вполне определено – в их идеальной общественной системе производство материальных благ уменьшится очень основательно. Что же касается ценности того, что предлагается взамен, мнения, по крайней мере, разделяются³⁴.

Последним прибежищем критиков либерального идеала общества является попытка разрушить этот идеал его же собственным оружием. Они стремятся доказать, что он служит и намерен служить интересам одного-единственного класса; что мир, к которому стремится либерализм, благоприятен только для ограниченного круга и вредоносен для всех осталь-

³² Tacitus, *Germania*, 14 [Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит К. Соч. Т. 1. Л., 1969. С. 360].

³³ Тонкой поэтической насмешкой над романтически-ностальгической сентенцией: «Там хорошо, где нас уже нет» – является опыт советника Кнапа из сказки Андерсена «Калоши счастья»⁴²⁸.

⁴²⁸ В этой сказке Ганса Христиана Андерсена (1805–1875) герой, идеализирующий Средневековье, очутившись чудесным образом в том времени, испытывает глубокое разочарование (Андерсен Г. Х. Сказки и истории. Т. 1. Л., 1977. С. 205–235).

³⁴ Wiese, *Der Liberalismus in Vergangenheit und Zukunft*, Berlin, 1917, S. 58 ff.

ных. Даже общественный порядок, достигаемый в современном конституционном государстве, основан на насилии. Его претензия на то, что в основании этого порядка – свободные договорные отношения, которые в реальности, говорят они, представляют собой только условия мира, продиктованные победителями побежденным, и условия этого мира действительны лишь до тех пор, пока сохраняется их установившая власть, и не дольше. Вся собственность основана на насилии и поддерживается насилием. Свободные рабочие либерального общества суть то же, что несвободные феодальной эпохи. Предприниматель эксплуатирует их так же, как феодальный властитель – своих крепостных, как плантатор – своих рабов. Что такие и им подобные возражения возможны и что им верят, показывает, сколь низко упало понимание либеральных теорий. Но эти возражения никоим образом не возмещают отсутствие у антилиберальных движений систематизированных теорий.

Либеральная концепция общественной жизни создала экономическую систему, основанную на принципах разделения труда. Наиболее типичным выражением экономики обмена являются городские поселения, которые возможны только в такой экономике. В городах учение либерализма было развито в законченную систему, и здесь оно нашло большинство своих сторонников. Но чем сильнее и быстрее возрастало богатство, чем многочисленнее были переселенцы из деревни в город, тем ожесточеннее были нападки на либерализм под знаменем принципа насилия. Переселенцы быстро находили свое место в городской жизни, они быстро усваивали (чисто внешне) городские манеры и мнения, но еще долго оставались чужими городскому образу мыслей. Социальную философию нельзя усвоить столь же легко, как умение носить костюм. Она должна быть заработана – оплачена усилием мысли. Потому-то мы и обнаруживаем в истории опять и опять, что эпохи роста и распространения мира либеральной мысли, когда богатство увеличивается вместе с развитием разделения труда, перемежаются эпохами, в которые господствует принцип насилия, а богатство сокращается из-за упадка системы разделения труда. Рост городов и городской жизни был чрезмерно быстрым. Этот рост был скорее экстенсивным, чем интенсивным. Новые жители городов изменились только поверхностно, они не сменили строй мысли, не стали настоящими гражданами. Об эту скалу разбивались все эпохи культуры, исполненные буржуазным духом либерализма; на этом же подводном камне, похоже, разлетится и наша собственная буржуазная культура, наиболее поразительная в человеческой истории. Более опасными, чем варвары, штурмующие стены извне, являются находящиеся внутри ограды мнимые горожане – горожане по внешнему виду, но не по своему мышлению.

Недавние поколения были свидетелями мощного возрождения принципа насилия. Современный империализм, доведший мир до мировой войны со всеми ее ужасными последствиями, развивает старые идеи защитников принципа насилия, лишь слегка их замаскировав. Но, конечно же, империализм не в состоянии выдвинуть в противоположность либеральной теории собственную законченную систему. Несомненно, что теория, согласно которой борьба есть движущая сила роста общества, никоим образом не может вылиться в теорию сотрудничества, а такой должна быть любая теория общества. Теория современного империализма характеризуется использованием некоторых естественнонаучных выражений, таких как «учение о борьбе за существование» и «концепция расы». С этим багажом оказалось возможным отчеканить множество лозунгов, доказавших свою пропагандистскую эффективность, но ничего более. Все эти идеи, выставляемые современным империализмом, давным-давно были разоблачены либералами как ложные доктрины.

Один из империалистических аргументов, возможно сильнейший, вытекает из полного непонимания существа собственности на средства производства в обществе с разделением труда. Важнейшей задачей считается обеспечение нации собственными шахтами, собственными источниками сырья, собственным флотом и портами. Ясно, что этот аргумент порожден представлением, что натуральная собственность на эти средства производства неделима и что

она приносит выгоду только тем, кто физически *владеет* ею. И не осознается, что такой взгляд ведет логически к социалистическому учению о характере собственности на средства производства. Ибо если плохо то, что Германия не имеет собственных, германских хлопковых плантаций, то почему терпимо положение, когда каждый отдельный немец не имеет *собственной* шахты, *собственной* прядильной фабрики? Может ли немец счесть Лотарингские железные копи *более своими* в том случае, когда их владелец – немец, чем когда их владелец – гражданин Франции?

Таким образом, империалисты поют в унисон с социалистами, критикуя буржуазную собственность. Но социалисты хоть пытались создать завершенную систему будущего общественного порядка, а империалисты и этого сделать не могли.

4. Коллективная собственность на средства производства

Самые ранние попытки реформировать систему отношений собственности и владения могут быть вполне корректно описаны как попытки достичь наибольшего возможного равенства в распределении богатства независимо от того, провозглашались ли при этом цели общественной пользы или социальной справедливости. Каждый должен владеть определенным минимумом, и никто не должен иметь больше определенного максимума. Каждый должен владеть примерно тем же количеством – такова была, грубо говоря, цель. И средства ее достижения были всегда одинаковы. Обычно предлагалась конфискация всей или части собственности с последующим перераспределением. Мир, населенный только самодостаточными крестьянами и небольшим числом ремесленников, – таков был идеал общества. Но сегодня нам нет нужды тратить время на все эти предложения. Они стали нереализуемыми в экономике с разделением труда. Железная дорога, прокатный стан, машиностроительный завод неделимы. Если бы эти идеи были реализованы века или тысячелетия назад, мы до сих пор прозябали бы на той же стадии развития, если бы, конечно, не вернулись к состоянию, трудноотличимому от полной дикости. Земля смогла бы прокормить только малую долю тех множеств людей, которых она питает ныне, и каждый был бы много хуже обеспечен, чем сейчас, хуже, чем даже самые бедные граждане современного промышленного государства. Вся наша цивилизация выжила благодаря тому, что человек всегда справлялся с натиском перераспределителей. Но идея перераспределения до сих пор очень популярна, даже в промышленных странах. В странах с господствующим сельским хозяйством эта доктрина приняла не вполне подходящее название аграрного социализма и является конечной целью и содержанием движений за социальные реформы. Эта идея была главной опорой великой русской революции и временно, против их воли, обратила вождей революции – прирожденных марксистов – в своих поборников. Она может победить и в остальных странах мира и в короткое время разрушить культуру, которая создавалась тысячелетиями. Однако повторим: здесь не стоит тратить слов критики и двух мнений быть не может. Вряд ли сегодня нужно доказывать, что невозможно на основе «коммунистического владения землей» создать социальную организацию, способную прокормить сотни миллионов белых людей.

Наивный фанатизм борцов за уравнилельное распределение уже давно подпитывается новым социальным идеалом, и сегодня не распределение, но общая собственность – лозунг социализма. Устранить частную собственность на средства производства, сделать средства производства собственностью общества – такова общая цель социализма.

В своей наиболее сильной и чистой форме социалистическая идея более не имеет ничего общего с идеей перераспределения. В равной степени она далека от смутной концепции общей собственности на средства потребления. Теперешняя цель – сделать для каждого возможным достойное существование. Идея не столь простодушна, чтобы стремиться достичь цели разрушением общественной системы, основанной на разделении труда. Конечно, неприязнь к

рынку, свойственная энтузиастам перераспределения, сохраняется; но социализм ныне стремится ликвидировать торговлю иным путем, а не отказом от системы разделения труда и возвратом к автаркии самодостаточных семейных хозяйств либо к примитивному обмену между самодостаточными сельскохозяйственными районами.

Такая социалистическая идея не могла возникнуть до того, как частная собственность на средства производства приобрела свойства, характерные для общества с разделением труда. Взаимосвязи отдельных производительных единиц сначала должны достичь той степени, когда производство для удовлетворения чужих потребностей является правилом, прежде чем идея общей собственности на средства производства сможет принять определенную форму. Социалистические идеи не могли обрести полной ясности до тех пор, пока социальная философия либерализма не раскрыла характер общественного производства. В этом смысле, и ни в каком другом, социализм можно рассматривать как следствие либеральной философии.

Как бы мы ни оценивали ее полезности или реализуемости, следует признать, что идея социализма в одно и то же время и грандиозна, и проста. Даже самые убежденные противники не могут отрицать детальной проработанности идеи. Можно сказать, что это одно из самых притязательных творений человеческого духа. Попытка воздвигнуть общество на новой основе, одновременно порывая со всеми традиционными формами общественной организации, изобрести новое устройство мира и предвидеть формы для всех видов человеческой деятельности будущего – это затея настолько величественная, настолько отважная, что она вполне заслуженно вызвала величайшее восхищение. Мы должны победить социализм, мы не можем беззаботно от него отмахнуться, если мы намерены спасти мир от нового варварства.

5. Теории эволюции собственности

Старый трюк модернизаторов в политике – описывать то, что они стремятся реализовать, как древнее и естественное, как нечто, существовавшее изначально и утраченное только в силу ошибок исторического развития. Человек, утверждают они, должен вернуться к прежнему состоянию вещей и воскресить Золотой век. Естественное право, например, трактовало права, требуемые им для индивидуумов, как прирожденные, неотъемлемые, даваемые Природой. Таким образом, разговор шел не о новизне, а о восстановлении «вечных прав, сияющих миру, как звезды небесные – неугасимо и нерушимо». Точно так же возникла романтическая Утопия совместной собственности – как установления седой древности. Почти все народы знакомы с этой мечтой. Древнюю римскую легенду о Золотом веке Сатурна пылко воспели Вергилий, Овидий, Тибулл, восхвалял Сенека³⁵,^[42]. Это были беззаботные, счастливые дни, когда никто не знал частной собственности и все процветали в объятиях благородной Природы³⁶⁴²⁹. Современный социализм, конечно, мыслит будущее не столь простодушно и по-детски, но в целом его мечты мало отличаются от фантазий граждан императорского Рима.

Либеральное учение подчеркивало важную роль частной собственности на средства производства в эволюции цивилизации. Социализм мог удовлетвориться отрицанием нужды в сохранении института собственности, не отрицая в то же время его полезности в прошлом. Марксизм и сделал это, представив эпохи простого и капиталистического товарного производства как необходимые стадии развития общества. Но одновременно он присоединился к другим социалистическим школам в осуждении всех известных в истории проявлений частной собственности – и все это с выраженным моральным неодобрением. Были некогда благие вре-

³⁵ Poehlmann, *Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt*, 2. Aufl., München, 1912, II. Bd., S. 577 ff.

³⁶ *Ipsaque tellus omnia liberius nullo poscente ferebat*⁴²⁹ (Virgil, *Georgica*, I, 127 ff.).

⁴²⁹ «Земля же плодоносила сама, добровольно, без понуждения» (лат.) (Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. С. 68).

мена, когда частной собственности не существовало, и эти славные деньки вернутся вновь, когда частная собственность исчезнет.

Чтобы такое понимание показалось убедительным, потребовалось свидетельство молодой науки – экономической истории. Была выстроена теория, доказывающая древность общинного землевладения. Было заявлено, что некогда вся земля была общей собственностью всех членов племени. Изначально всем пользовались сообща. Только позднее, хотя общественная собственность еще сохранялась, поля были розданы для отдельного использования. Но при этом происходили перераспределения земли: сначала ежегодно, затем реже. Согласно этому взгляду частная собственность является сравнительно недавним установлением. Ее возникновение не вполне понятно. Но можно предположить, что она прокралась в обычай в результате упущений в перераспределении, если, конечно, не предполагать, что она возникла в результате незаконного присвоения. Отсюда было ясно, что придавать частной собственности чрезмерное значение в истории цивилизации – ошибка. Доказывали, что сельское хозяйство развивалось в условиях общинной собственности на землю с периодическими перераспределениями. Чтобы человек пахал и засеивал поля, нужно только гарантировать ему собственность на урожай, а это возможно и при ежегодном переделе земли. Нам говорят, что ошибка – возводить происхождение собственности на землю к занятию ничейной земли. Незанятая земля никогда не была бесхозной. Она всегда и везде – как в прежние времена, так и поныне – принадлежала государству или общине; а значит, в прежние времена, равно как и ныне, захват земельной собственности не мог иметь места³⁷.

С вершин новоприобретенного исторического знания оказалось возможным свысока, с сострадательным изумлением взглянуть на учение социальной философии либерализма. Людей убедили, что частная собственность оправдана *только* как историко-правовая категория. Она не существовала *всегда* и представляет собой не слишком желательное приобретение культуры, а значит, вполне может быть отброшена. Социалисты всех видов, а особенно марксисты, рьяно пропагандировали эти идеи. Они сделали писания своих любимцев популярными настолько, насколько и не снилось никаким авторам исследований по экономической истории.

Но более поздние исследования отвергли предположение, что общинная собственность на землю была существенной стадией развития всех народов, что такова была исходная форма собственности («Ureigentum»)^[43]. Они продемонстрировали, что русская община – «мир» – возникла в новое время под давлением крепостничества и подушного налогообложения, что хаубергские товарищества в округе Зиген не прослеживаются ранее XVI века, что трирские *Gehoferschaften* возникли в XIII, а может, и в XVII или XVIII веке и что задруга южных славян была порождена введением византийской налоговой системы^{38, [44]}. Самые ранние периоды аграрной истории Германии до сих пор не вполне ясны, и в понимании важнейших вопросов этой истории еще нет единодушия. Истолкование скудной информации, которую дают Цезарь и Тацит^[45], представляет особые трудности. Но пытаясь понять их, не следует упускать из виду, что условия древней Германии, как они описаны этими авторами, примечательны изобилием пригодной для обработки земли, так что вопрос о собственности на землю был экономически малосуществен. «*Superest ager*» (пригодная земля в избытке) – это основной факт для характеристики аграрных условий в Германии во времена Тацита³⁹.

Фактически, однако, нет нужды искать в экономической истории аргументы для опровержения доктрины «Ureigentum», ибо эта доктрина не дает оснований для отказа от частной собственности на средства производства. Когда мы вырабатываем суждение об историче-

³⁷ Laveleye, *Das Ureigentum*, Deutsch von Bücher, Leipzig, 1879, S. 514 ff. [Лавеле Э. де. Первобытная собственность. СПб., 1875. С. 364 сл.]

³⁸ Below, *Probleme der Wirtschaftsgeschichte*, Tübingen, 1920, S. 13 ff.

³⁹ *Germania*, 26 [Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. С. 364].

ских достижениях и функциях частной собственности в нынешнем и будущем экономическом устройстве, вовсе не имеет значения, предшествовала общинная собственность частной либо нет. Если бы даже удалось продемонстрировать, что общинная собственность у всех народов была исходной формой земельного права и что вся частная собственность возникла в результате незаконного присвоения, это бы еще далеко не доказывало, что рациональная организация сельского хозяйства с интенсивной эксплуатацией земли могла бы развиваться вне условий частной собственности. Еще менее допустим вывод, что частная собственность может или должна быть ликвидирована.

Глава II

Социализм

1. Государство и экономическая деятельность

Цель социализма – передать средства производства из частной собственности в собственность организованного общества, государства⁴⁰. Социалистическое государство владеет всеми материальными факторами производства и таким образом направляет его. Для такой передачи вовсе не нужно соблюдение формальностей закона, выработанного для передачи собственности в эпоху, фундаментом которой была частная собственность на средства производства. Еще менее существенно в таком процессе соблюдение традиционной правовой терминологии. Собственность есть право распоряжаться, и когда это право распоряжаться лишается своего традиционного имени и получает от господствующего правового института новое наименование, это не имеет никакого значения для существа дела. Следует учитывать не слова, но суть вещей. Ограничение прав собственников, как и формальная передача этих прав, представляет собой способ социализации. Если государство шаг за шагом отнимает у собственника право распоряжаться, распространяя свое влияние на производство, если его возможности определять направление развития производства и характер производимой продукции все возрастают, тогда собственнику не остается ничего, кроме пустого имени «собственник», а сама собственность переходит в руки государства.

Люди зачастую не могут понять фундаментального различия между идеями либерализма и анархизма. Анархизм отвергает все принуждающие общественные организации и отказывается от насилия как социальной технологии. Фактически он стремится к упразднению государства и правопорядка, поскольку верит, что общество без всего этого будет жить лучше. Он не боится анархического беспорядка, поскольку верит, что в отсутствие принуждения люди объединятся для общественного сотрудничества и будут вести себя в соответствии с требованиями социальной жизни. Анархизм как таковой не является ни либеральной, ни социалистической доктриной: он просто лежит в иной плоскости. Тот, кто отрицает основу анархизма, кто считает иллюзией, что ныне или в будущем станет возможным без принуждения со стороны правопорядка объединить людей для мирного сотрудничества, тот – будь он либерал или социалист – отвергает идеал анархизма. Во всех либеральных и социалистических теориях, основанных на строгой логической связи идей, системы строились с должным учетом насилия, полностью отвергая анархизм. И либерализм, и социализм признают необходимость правового порядка, хотя расходятся в понимании и определении границ этого понятия. Либерализм, ограничивая сферу государственной активности, не оспаривает потребности в правовом порядке и при этом вовсе не считает государство злом, хотя и необходимым. Либеральное понимание проблем государства определяется отношением к проблеме собственности, а вовсе не отвращением к «персоне» государства. Поскольку либерализм стремится к торжеству частной собственности на средства производства, он должен по чисто логическим причинам отвергать все, что противоречит этому идеалу. Что же касается социализма, то с тех пор, как он в основных вопросах отделился от анархизма, он должен с необходимостью стремиться к расширению сферы принудительного государственного контроля, ибо его явной целью является устранение «анархии производства». Какая уж там борьба с государством и насилием, если социализм стремится

---

⁴⁰ Термин «коммунизм» означает то же, что и «социализм». Использование этих двух слов в последние десятилетия неоднократно менялось, но всегда границей между социалистами и коммунистами оставались вопросы политической тактики. И те и другие стремятся к обобществлению средств производства.

распространить правительственное влияние на те области, которые либерализм оставил бы вне контроля.

Социалистические авторы, особенно те из них, кто восхваляет социализм по этическим причинам, любят заявлять, что в социалистическом обществе первойшей целью государства будет всеобщее благосостояние, в то время как либерализм учитывает интересы только одного класса. Судить о достоинстве либеральной и социалистической моделей организации общества следует по достижениям обеих систем. Но можно сразу отвергнуть утверждение, что только социализм ставит целью обеспечение общего благосостояния. Либерализм борется за частную собственность на средства производства не из любви к собственникам. Либеральная экономическая система более производительна, чем социалистическая, и избыток достается не только собственникам. Согласно либерализму преодоление заблуждений социализма в интересах не только богатых. Даже беднейшие пострадают от социализма не меньше других. К такому утверждению можно относиться по-разному, но в любом случае было бы неверно приписывать либерализму преследование интересов узкого слоя людей. Социализм и либерализм различаются фактически не своими целями, а средствами их достижения.

2. «Основные права» в социалистической теории

Либеральная философия государства была обобщена в ряде утверждений, сформулированных как требования естественного права. Это Права Человека и Гражданина, которые выражали существо освободительных войн в XVIII и XIX столетиях. Они закреплены в конституционных законах, составленных под влиянием политических движений эпохи. Но даже сторонникам либерализма следовало бы спросить себя: подходящее ли это для них место, ибо по форме и стилю изложения эти утверждения являются не столько правовыми положениями, которые составляют содержание законов, предназначенных для практического применения, сколько политической программой законодательной и административной деятельности. Во всяком случае, совершенно недостаточно включить их со всеми почестями в основные законы государств и конституции; их дух должен пронизывать собой все государство. Гражданин Австрии мало выигрывал от того факта, что основной закон государства давал ему право «свободно выражать свое мнение словом, в письме, в печати или в графических изображениях в рамках законных границ». Эти «законные границы» препятствуют свободному выражению мнений так же основательно, как если бы основной закон никогда не существовал. Англия не знает основного права на свободное выражение мнения, однако в ней слово и пресса действительно свободны, поскольку дух, выражающий себя в принципе свободы мысли, пронизывает все английские законы.

Подражая этим политическим основным правам, некоторые антилиберальные авторы попытались разработать кодекс основных экономических прав. Их цель при этом двойственна: с одной стороны, они хотят показать неудовлетворительность общественного устройства, которое даже не гарантирует эти предполагаемые естественными права человека; с другой стороны, они хотят создать несколько легко запоминаемых, эффектных лозунгов для пропаганды своих идей. При этом они были далеки от мысли, что достаточно юридически зафиксировать эти основные права, чтобы возник общественный порядок, соответствующий идеалам. Большинство авторов, особенно позднейших, были убеждены, что то, к чему они стремятся, может быть достигнуто только на пути обобществления средств производства. Концепция основных экономических прав была разработана, лишь чтобы показать, каким требованиям должна удовлетворять социальная система. То есть это скорее критика, чем программа. Рассматриваемая с такой точки зрения, эта концепция позволяет нам понять, что (по мнению его сторонников) социализм должен обеспечить.

Согласно Антону Менгеру^[46], социализм обычно предполагает три основных экономических права: право на полный продукт труда; право на существование; право на труд⁴¹.

Всякое производство требует сотрудничества материальных и человеческого факторов производства: это целенаправленный союз земли, капитала и труда. Нельзя определить физический вклад каждого из этих факторов в результат производства. Какую часть стоимости произведенного продукта следует приписать отдельным факторам? Это вопрос, на который ежедневно и ежечасно отвечают покупатели и продавцы на рынке, хотя научное объяснение этого процесса было получено только в недавние годы и пока еще далеко не достигнута полная ясность. Рыночные цены на все факторы производства фактически приписывают каждому из них вес, соответствующий его участию в производстве. Через цену каждый фактор получает оценку своего участия в конечном продукте. В заработной плате работник получает полный продукт своего труда. Таким образом, в свете субъективной теории ценности^[47] соответствующее требование социализма представляется вполне нелепым. Но для среднего человека это не так. Привычные обороты речи подразумевают, что ценность создается только трудом. Довверяющие «здравому смыслу» люди обречены видеть в требовании о ликвидации частной собственности на средства производства призыв к тому, чтобы работник получал полный продукт своего труда. Сначала это требование кажется чисто негативным – исключить все доходы, не основанные на труде. Но как только пытаются сконструировать на этом принципе систему, возникают непреодолимые препятствия, трудности, вытекающие из несостоятельной теории ценности, на которой базируется право на полный продукт труда. Все такие системы потерпели крушение именно на этом. Их авторы, в конце концов, бывали вынуждены признать, что то, чего они желали, было не чем иным, как упразднением всех доходов, не основанных на труде, и что только обобществление средств производства позволяет достичь этого. От права на полный продукт труда, которое десятилетиями занимало умы людей, не осталось ничего, кроме лозунга (пропагандистски весьма эффектного, конечно) требующего упразднения всех «незаработанных», нетрудовых доходов.

Право на существование может быть определено по-разному. Если в этом видеть требование людей, лишенных средств и неспособных к труду, не имеющих родственников, которые могли бы о них позаботиться, т. е. требование об обеспечении их средствами к существованию, тогда право на существование представляет собой безвредное установление, реализованное в большинстве общин столетия назад. Конечно, практическое воплощение этого принципа может нуждаться в совершенствовании, ибо, возникнув из практики благотворительного попечительства о бедняках, соответствующие установления не дают нуждающимся признаваемых законом прав. Однако социалисты под правом на существование понимают нечто иное. Они определяют существо дела так, что «всякий член общества может требовать, чтобы ему были предоставлены вещественные блага и услуги, необходимые для поддержания его существования, по мере имеющихся в наличии средств, прежде чем будут удовлетворены менее насущные нужды других»⁴². Туманность концепции «поддержания собственного существования», равно как и невозможность объективного определения и сравнения настоятельности нужд разных людей, превращает ее в конечном итоге в требование о возможно равном распределении потребительских благ. Одна из нередких формулировок этой концепции – «никто не должен испытывать лишений, в то время когда другие живут в излишествах – выражает намерение еще яснее. Ясно, что это требование равенства может быть удовлетворено (в негативном плане) только после обобществления всех средств производства и перехода к распределению государством всех результатов производства. Может ли при этом быть достигнута положительная

⁴¹ Anton Menger, *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung*, 4. Aufl., Stuttgart und Berlin, 1910, S. 6 [Менгер А. Завоевание рабочим его прав. Право на полный продукт труда в историческом изложении. СПб., 1906. С. 9].

⁴² Ibid., S. 9 [Там же. С. 10].

цель – реальная обеспеченность каждого, это другая проблема, которой защитники права на существование вряд ли вообще занимались. Они провозглашали, что сама Природа предоставляет для всех достаточные средства к жизни и что только из-за несправедливых общественных установлений большая часть человечества бедствует; если лишить богатых всего, что им позволено потреблять сверх всякой «необходимости», каждый получит достаточно для достойного уровня жизни. Только под влиянием критики, исходившей из Мальтусова закона народонаселения⁴³, социалистическая доктрина была поправлена^[48]. Социалисты признали, что в условиях несоциалистического способа производства объем производства недостаточен для изобильного снабжения каждого. Но при этом они утверждают, что социализм в такой громадной степени увеличит производительность труда, что окажется возможным создание земного рая для неограниченного по численности населения. Даже Маркс, в других случаях весьма осторожный, заявил, что социалистическое общество сделает мерой распределения потребности каждого⁴⁴.

Ясно, по крайней мере, следующее: признание права на существование в том смысле, какой придают ему теоретики социализма, может быть достигнуто только в результате обобществления средств производства. Антон Менгер, правда, высказался в том смысле, что частная собственность и право на существование вполне могут сосуществовать. В этом случае требования граждан государства на средства, необходимые им для существования, пришлось бы рассматривать как нечто подобное закладной, подлежащей удовлетворению за счет национального дохода прежде, чем привилегированные граждане получили бы свой нетрудовой доход. Но даже ему пришлось признать, что в случае полной реализации права на существование соответствующие расходы поглотят столь большую часть нетрудового дохода и столь сильно обкорнают частную собственность, что вскоре вся собственность окажется в коллективном владении⁴⁵. Если бы Менгер сумел понять, что право на существование с необходимостью порождает право на равное распределение потребительских благ, он не стал бы говорить о его совместности с частной собственностью на средства производства.

Право на существование очень тесно связано с правом на труд⁴⁶. В основе идеи – не столько право на труд, сколько обязанность трудиться. Законы, которые предоставляют нетрудоспособным возможность претендовать на содержание, тем самым лишают такого права работоспособных. Они могут претендовать только на предоставление рабочего места. Естественно, что социалистические авторы и следовавшие за ними социалистические политики прежних времен имели довольно свободное представление об этом понятии. Они превратили его – более или менее явно – в требование на получение работы, соответствующей склонностям и способностям рабочего и обеспечивающей при этом достаточную заработную плату. В основе права на труд лежит та же идея, что выразилась в праве на существование: в «естественных» условиях – которые нам следует считать существовавшими до и вне рамок общественного порядка, базирующегося на частной собственности, и которые будут восстановлены социалистическими конституциями после ликвидации частной собственности – каждый человек должен быть способен добыть собственным трудом достаточные средства к существованию. Буржуазное общество, разрушившее этот разумно устроенный мир, обязано возместить пострадавшим то, что они утратили. Эквивалентом утраченного и должно выступать право на труд. Мы опять сталкиваемся со старой иллюзией средств к существованию, которые предположительно должна

⁴³ Malthus, *An Essay on the Principle of Population*, 5th. ed., London, 1817, vol. 3, p. 154 ff. [Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. М., 1895. С. 10 сл.]

⁴⁴ Marx, *Zur Kritik des Sozialdemokratischen Parteiprogramm von Gotha*, heig. Kreibich, Peichenberg, 1920, S. 17 [Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 20].

⁴⁵ Anton Menger, *Op. cit.*, S. 10 [Менгер А. Указ. соч. С. 11].

⁴⁶ Ibid., S. 10 f. [Там же. С. 11–12]; см. также: Singer-Sieghart, *Das Recht auf arbeit in geschichtlicher Darstdlung*, Jena, 1895. S. 1 f; Mutasoff, *Zur Geschichte des Rechts auf Arbeit mit besonderer Rucksicht auf Charles Fourier*, Bern, 1897. S. 4 f.

давать Природа независимо от уровня исторического развития общества. Но дело-то в том, что Природа вовсе не знает и не предоставляет никаких прав. Поскольку желания человека практически беспредельны, а Природа сама по себе скудна, человек вынужден заниматься хозяйством. Эта хозяйственная деятельность предполагает социальное сотрудничество; истоки сотрудничества – в понимании того, что оно увеличивает производительность труда и повышает уровень жизни. Заимствованная в наиболее наивных теориях естественного права идея, что в обществе человеку приходится хуже, чем в «более свободном и примитивном естественном состоянии», и что общество должно, так сказать, купить его терпение в обмен на специальные права, – краеугольный камень построений, возводимых поборниками права на труд и права на существование.

Когда производство отлично сбалансировано, безработицы не бывает. Безработица есть следствие экономических изменений, и там, где развитие хозяйства не сдерживается вмешательством властей и профсоюзов, она возникает только как переходное явление, а изменения заработной платы обычно носят компенсаторный характер. Соответствующие институты, например биржи труда, представляющие собой просто развитие экономического механизма свободного рынка, где индивидуум свободен выбирать и изменять профессию и место работы, способны сократить продолжительность отдельных случаев безработицы настолько, что она перестанет восприниматься как серьезное бедствие⁴⁷. Но требование, чтобы каждый гражданин имел право на привычную ему профессию и заработок не ниже, чем у других профессий, которые пользуются большим спросом на рынке труда, абсолютно несостоятельно. Организация производства нуждается в средствах побуждения к смене профессий. В социалистической формулировке право на труд совершенно нереализуемо, и не только в обществе, основанном на частной собственности на средства производства. Даже социалистическое общество не может гарантировать рабочему право на занятость только в выбранной профессии; оно также будет нуждаться в способах перемещения рабочих туда, где они нужнее.

Три основных экономических права – а число их легко увеличить – принадлежат к прошедшей эпохе движения за социальные реформы. Они сохранили сегодня хотя и немалое, но чисто пропагандистское значение. Их место заняло требование обобществления средств производства.

3. Коллективизм и социализм

Противоположность между реализмом и номинализмом, пронизывающая всю историю человеческой мысли со времен Платона и Аристотеля^[49], проявилась также в области социальной философии⁴⁸. Различие между отношением коллективизма и индивидуализма к проблеме общественных объединений такое же, как между отношением универсализма и номинализма к проблеме понятия вида^[50]. В сфере социальных наук эта противоположность приобретает высочайшую важность, так же как в философии отношение к идее Бога получило значение, далеко выходящее за пределы научного исследования. Это – политическая важность. Существующие поныне и не желающие сдаваться структуры власти находят в философии коллективизма оружие для защиты своих прав. И даже здесь номинализм проявляет себя как беспокойная наступательная сила. Как в области философии он разрушает старые системы метафизического умозрения, так и здесь он взрывает метафизические схемы социологического коллективизма.

⁴⁷ См. мои работы: *Kritik des Interventionismus*, Jena, 1929, S. 12 ff. [Мизес Л. фон. Критика интервенционизма // Мизес Л. фон. Интервенционизм и бюрократия. М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 15 сл.]; *Die Ursachen der Wirtschaftskrise*, Tübingen, 1931, S. 15 ff. [Мизес Л. фон. Экономический кризис и его причины // Мизес Л. фон. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012. С. 126 сл.]

⁴⁸ Pribram, *Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie*, Leipzig, 1912, S. 3 ff.

Политическое злоупотребление тем, что первоначально выступало в телеологическом облике лишь как противоположность представлений в теории познания, становится совершенно отчетливым, когда дело касается этики и политики. Проблема здесь формулируется иначе, чем в области чистой философии. Вопрос звучит так: что должно быть целью – личное или общее?⁴⁹ Такое противопоставление целей индивида целям социального целого можно снять, только пожертвовав чем-то одним в пользу другого. Спор о реальности или номинальности понятий превращается в спор об иерархии целей. И здесь заново возникает трудность для коллективизма. Поскольку наличествуют разные социальные *collectiva*^[51], цели которых представляются противоположными в той же степени, что и цели индивидуумов, противостоящих этим *collectiva*, этот конфликт интересов должен быть разрешен. На самом деле практический коллективизм не слишком беспокоится об этом. Он ощущает себя только апологетом правящих классов и в качестве научной полиции защищает тех, кому в данный момент принадлежит власть, с не меньшим рвением, чем политическая охранка.

Индивидуалистическая социальная философия эпохи Просвещения по-своему обошлась с противоположностью между индивидуализмом и коллективизмом. Она называется индивидуалистической, поскольку ее первой задачей было сокрушить идеи правящего коллективизма, чтобы расчистить путь для последующей социальной философии. Но при этом разбитый идол коллективизма не был заменен культом индивида. Положив в основу социологической мысли доктрину гармонии интересов, индивидуалистическая социальная философия создала современную науку об обществе, доказывая при этом, что конфликта интересов, вокруг которого было столько стычек, в действительности нет. Ибо общество вообще может существовать только при том условии, что в нем индивид найдет поддержку для своего Я и своей собственной воли.

Коллективистское движение современности черпает свою силу не в скрытых потребностях современной научной мысли, но в политической воле эпохи, тяготеющей к романтизму и мистицизму. Духовные движения представляют собой восстание мысли против инерции, бунт немногих против множества. Это бунт тех, кто благодаря духовной силе всего сильнее в одиночестве, против тех, кто может выразить себя лишь заодно с массой, с толпой и кто имеет значение только в силу своей многочисленности. Коллективизм – это противостояние, это оружие всех тех, кто стремится убить разум и мысль. Потому-то коллективизм воздвигает «нового кумира», самого холодного из всех «холодных чудовищ» – государство⁵⁰. Превознося это мистическое существо и превращая его в своего рода божество, разукрашивая его всеми экстравагантными совершенствами и очищая от всякой грязи⁵¹, выражая готовность все пожертвовать на его алтарь, коллективизм сознательно стремится порвать все нити, связывающие социологическую и естественнонаучную мысль. Это особенно явно у тех мыслителей, которые настойчивой и острой критикой немало поработали над освобождением естествознания от всех следов телеологии^[52], но в то же время в сфере познания общества не только сохраняли традиционные идеи и приемы телеологического мышления, но даже, стремясь оправдать их, перекрывали для социологии все пути к свободе мысли, которая уже стала к тому времени достоянием естественных наук. Кантовская философия природы не сохраняет места для

⁴⁹ Так формулирует противоположность индивидуального и социального принципов Дитцель (см. его статью: «Individualismus» // *Handwörterbuch der Staatwissenschaften*, 3. Aufl., Bd. 5., S. 590). Похожий подход у Шпенглера⁴³⁰: Spengler, *Preussentum und Sozialismus*, München, 1920, S. 14 [см.: Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002].

⁴³⁰ Генрих Дитцель (1857–1935) – немецкий экономист. Освальд Шпенглер (1880–1936) – немецкий философ, культуролог и историк.

⁵⁰ Nietzsche, *Also Sprach Zarathustra* // *Werke*, Kronersche Klassikerausgabe, VI. Bd., S. 69 [Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1980. С. 35].

⁵¹ «Государство, превознесенное как идеальное бытие, наделяют всеми совершенствами нашей мечты и освобождают от всего, что нам ненавистно» (P. Leroy-Beaulieu, *L'Etat moderne et ses fonctions*, 3d ed., Paris, 1900, p. 11); см. также: Bamberger, *Deutschland und der Sozialismus*, Leipzig, 1878, S. 86 f.

какого-либо бога или руководителя мироздания, но историю она рассматривает как «выполнение тайного плана природы», направленного на создание совершенного внутренне и внешне государственного устройства как единственного условия развития всего заложенного природой в человечество⁵². У Канта с особенной ясностью видно, что современный коллективизм не имеет никакой нужды в старом реализме понятий, ибо, возникший из политических, а не философских потребностей, он занимает особую позицию – вне науки, и она не может быть поколеблена никакими атаками теории познания. Во второй части своей книги «Идеи к философии истории человечества» Гердер^[53] с ожесточением нападает на критическую философию Канта, которая представляется ему «аверроэсовским» гипостазированием общего^[54]. Всякий утверждающий, что человеческий род, а не индивид, есть субъект образования и воспитания, не осознает, что «род, вид – это только всеобщие понятия, и нужно, чтобы они воплощены были в конкретных индивидах». Если бы кто-либо приписал этим общим понятиям совершенную степень гуманности, культуры и просвещенности, составляющих понятие идеала, он при этом «ничего не сказал бы о подлинной истории человеческого рода, как ничего я не скажу, говоря вообще о животности, каменности, железности и наделяя целое самыми великолепными, но противоречащими друг другу в конкретных индивидах свойствами»⁵³. В своем ответе на это Кант завершает разрыв между этико-политическим коллективизмом и философским реализмом понятий. «Тот, кто говорит: «Отдельная лошадь безрога, а лошади как вид имеют рога», – тот говорит совершеннейшую чепуху. Ибо род есть не что иное, как признак, которым должны обладать все его индивиды. Но если выражение «род человеческий» означает – а, в общем, так оно и есть – ряд поколений, идущих в бесконечность (неопределенность), и предполагается, что этот ряд непрерывно все ближе к предопределенной цели, движущейся со своей стороны вместе с ним, тогда вовсе не будет противоречия в утверждении, что в каждой части своей он асимптотически приближается к цели^[55] и только как целое достигает ее, другими словами, что не одно звено во всех поколениях человеческого рода, но только род в целом полностью исполняет свое предназначение. Математики могут разъяснить это, философ же должен заявить: предназначение человеческого рода в целом есть непрерывный прогресс, и завершение его есть просто идея – голая, но по намерениям полезная идея цели, – к которой мы согласно плану Провидения должны направлять наши усилия»⁵⁴. Здесь открыто признается телеологический характер коллективизма и раскрывается непреодолимая пропасть между ним и методами чистого познания. Познание скрытых намерений природы лежит вне человеческого опыта, и наша мысль не дает нам ничего, что бы позволило сделать заключение, каковы ее цели и существуют ли они вообще. Наблюдаемое нами поведение отдельных людей и целых социальных систем не дает никаких оснований для предположений. Мы не в силах установить никаких логических связей между опытом и тем, что мы можем или хотим предположить. Нам приходится верить (поскольку это невозможно доказать), что вопреки собственной воле человек делает то, что предустановлено природой, которая лучше знает, что во благо человечеству, но не индивиду⁵⁵. Это не тот подход, который свойствен науке.

Факт, что коллективизм нельзя обосновать научной необходимостью. Он объясняется только нуждами политики. В силу этого он не останавливается, как это делает понятийный реализм, на утверждении реального существования общественных объединений, которых он почитает живыми организмами в полном смысле этого слова, но идеализирует и обожествляет.

⁵² Kant, *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht* // *Samtliche Werke*, Inselausgabe, Bd. I., Leipzig, 1912, S. 235 [Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собр. соч. Т. 6. М., 1966. С. 18–19].

⁵³ Herder, *Ideen zu einer Philosophie der Geschichte der Menschheit* // *Samtliche Werke*, herg. Suphan, Bd. XIII., Berlin, 1887, S. 345 f. [Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 229 сл.]

⁵⁴ Kant, *Rezension zum zweiten Teil von Herders Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit* // *Werke*, I. Bd., S. 267; см. также: Cassirer, *Freiheit und Form*, Berlin, 1916, S. 504 ff.

⁵⁵ Kant, *Idee zu einer allgemeinen Geschichte...*, S. 228 [Кант И. Идея всеобщей истории... С. 9].

Гирке объявляет вполне открыто и неприкрашенно, что следует крепко держаться за «идею реального единства общества», потому что только это одно оправдывает требование, чтобы индивид отдавал силы и жизнь народу и государству⁵⁶,^[56]. Что коллективизм есть не что иное, как «прикрытие тирании», сказал уже Лессинг⁵⁷,^[57].

Если бы противоречие между общим интересом целого и отдельным интересом индивидуума действительно существовало, сотрудничество людей в обществе было бы невозможным. Естественное взаимодействие людей представляло бы собой войну всех против всех. Мир и взаимная терпимость были бы невозможны, а вместо этого были бы только временные перемирия, длящиеся не дольше, чем это нужно одной из сторон. Индивид был бы готов к постоянному бунту против всего и всех, подобно непрекращающейся войне с хищниками и бактериями. Коллективистское понимание истории – образцово асоциальное – не может вообразить иного способа возникновения социальных институтов, кроме как через вмешательство «миростроителя», платоновского Демиурга (δημιουργός) (того, кто творит для людей). Он действует в истории своими орудиями – героями, которые ведут сопротивляющегося человека куда надо. В результате воля индивида сломлена. Желаящего жить только для себя представители Бога на земле подчиняют нравственному закону, который требует, чтобы отдельный человек жертвовал своим благополучием во имя Целого и будущего развития.

Наука об обществе начинается с преодоления этого дуализма. Поняв, что интересы отдельных людей внутри общества совместимы и что индивиды и община не враждебны друг другу, можно понять и социальные установления, не призывая на помощь богов и героев. Мы можем распрощаться с Демиургом, который принуждает человека жить в коллективе, как только осознаем, что общественный союз дает человеку больше, чем требует взамен. Даже не предполагая «скрытого плана природы», мы можем понять развитие в направлении к более интегрированным формам общества, когда видим, что каждый шаг на этом пути приносит благо самим шагающим, а не только их отдаленным потомкам.

Коллективизму нечего противопоставить новой социальной теории. Непрерывно повторяющиеся обвинения, что эта теория недооценивает важность *collectiva*, особенно таких, как Государство и Нация, показывают только, что коллективизм не заметил, как влияние либеральной социологии изменило постановку проблем. Коллективизм более не пытается создать законченную теорию общественной жизни; все, что он может противопоставить своим противникам, – это остроумные афоризмы, и не больше. В экономике, так же как в общей социологии, он проявил свою совершенную бесплодность. Не случайно германский гений, одолеваемый социальными теориями классической философии от Канта до Гегеля^[58], в течение долгого времени не мог произвести ничего путного в экономике, а те, кто прорвал заклиние (сначала Тюнен и Госсен, затем австрийцы Карл Менгер, Бём-Баверк и Визер), были свободны от какого-либо влияния коллективистской философии государства^[59].

Сколь мало коллективизм был способен обойти трудности по развитию собственной доктрины, лучше всего видно из того, как он обошелся с проблемой общественной воли. Опять и опять говорить о Воле государства, о Воле народа, об Убеждениях народа – это далеко не способ объяснить, как именно возникает коллективная воля социальной группы. Поскольку она в существеннейших моментах отличается от воли отдельного индивида и даже вполне противоположна ей, коллективная воля не может возникнуть как слагаемая индивидуальных волеизъявлений. Каждый коллективист находит своеобразный источник коллективной воли сообразно собственным политическим, религиозным и национальным убеждениям. В сущности, совершенно одно и то же, полагается ли источником сверхъестественная власть короля или священника либо она истолковывается как качество определенного класса или народа. Фри-

⁵⁶ Gierke, *Des Wesen der menschlichen Verbands*, Leipzig, 1902, S. 34 f.

⁵⁷ Lessing, «*Ernst und Folk*». *Gesprache für Freimaurer // Werke*, Bd. Stuttgart, 1873, S. 80.

дрых Вильгельм IV и Вильгельм II были вполне убеждены, что Господь наделил их особой властью, и эта вера, несомненно, подстегивала их сознательные усилия и укрепляла их^[60]. Но наука столь же мало способна доказать истинность этой веры, как и доказать истинность религии. Коллективизм – явление политическое, а не научное. И все его содержание суть ценностные суждения^[61].

Коллективизм в целом всегда благосклонен к идее обобществления средств производства, поскольку это близко его мировосприятию. Но есть коллективисты, которые защищают частную собственность на средства производства, поскольку верят, что такой порядок более благоприятен для общества в целом⁵⁸. В то же время, даже вне зависимости от влияния идей коллективизма, можно прийти к убеждению, что частная собственность на средства производства менее благоприятна для целей всего человечества, чем общественная собственность.

---

⁵⁸ Huth, *Soziale und Individualistische Auffassung im 18. Jahrhundert, vornehmlich bei Adam Smith und Adam Ferguson*, Leipzig, 1907, S. 6.

Глава III

Социальный порядок и политическое устройство

1. Политика насилия и политика договора

Господство принципа насилия не ограничено, естественно, сферой собственности. Дух доверия исключительно к мощи, ищущий основ благосостояния не в соглашении, но в непрекращающемся конфликте, пронизывает всю жизнь. Все человеческие отношения были установлены в соответствии с «правом сильного», которое на деле есть просто отрицание Права. Это не был мир. В лучшем случае – перемирие.

Общество возникло из мельчайших объединений. Круг объединяющихся ради взаимного мира был сначала очень ограничен. Круг расширялся шаг за шагом тысячелетиями, пока мирный союз и сообщество международного права не охватили большую часть человечества, отделив его дикую половину, живущую на нижних этажах культуры. Не везде внутри цивилизованного сообщества принцип договора был равно могущественным. С наибольшей полнотой он был признан во всем, что касалось собственности. Слабее всего он соблюдался там, где речь шла о политическом господстве. В сфере иностранной политики он утвердился лишь настолько, чтобы установить законы войны, несколько ограничивающие принцип насилия. Кроме случаев арбитража, представляющих собой недавнее достижение, споры между государствами до сих пор по большей части разрешаются силой оружия. Это традиционнейшая древняя правовая процедура; битвы, в которых выносят решение, подобно судебным дуэлям древнего права должны подчиняться неким правилам. Тем не менее было бы ложью утверждать, что в межгосударственных делах страх перед иностранным насилием является единственным фактором, который удерживает меч в ножнах⁵⁹⁴³¹. Силы, тысячелетиями действовавшие в международной политике, поставили ценность мира над прибылью победоносной войны. В наше время даже могущественнейший воитель не может игнорировать правовую максиму, согласно которой война должна иметь основательные причины. Воюющая сторона вынуждена теперь доказывать, что ведет правую войну и что война эта оборонительная либо, по крайней мере, превентивно оборонительная, такова важная дань принципу Закона и Мира. Каждая политика, открыто принимавшая принцип насилия, вызывала против себя мировую коалицию, которой, в конце концов, и подчинялась.

В социальной философии либерализма человеческий разум впервые приходит к осознанию того, что принцип мира превосходит принцип насилия. В этой философии впервые человечество дает себе отчет в собственных действиях. Она срывает романтический нимб, который всегда окружал власть. Война, учит либерализм, губительна не только для побежденных, но и для победителей. Общество возникло в результате мирного труда; сущность общества – миротворчество. Не война, а мир – отец всех вещей. Только хозяйственная деятельность создает богатство; не военное ремесло, а труд приносит счастье. Мир созидает, война разрушает. Народы большей частью тяготеют к миру, потому что они осознают преобладающую пользу мира. Они принимают войны только во имя самозащиты; агрессивных войн они не хотят. Только князья хотят войны, ибо надеются приобрести деньги, вещи и власть. Дело народов – помешать исполнению их желаний, лишив их средств для ведения войны.

Любовь либералов к миру проистекает не из филантропических чувств, как пацифизм Берты Зутнер⁶²¹ и ей подобных. В этой любви нет мрачности, обычной у многих, кто пытается

---

⁵⁹ Как, например, утверждает Лассон⁴³¹: Lasson, *Prinzip und Zukunft des Völkerrechts*, Berlin, 1871, S. 35.

⁴³¹ Адольф Лассон (1832–1917) – немецкий философ и правовед, автор ряда работ по философии права.

одолеть романтизм кровавой страсти трезвостью международных конгрессов. Это пристрастие к миру – не благотворительная игра, которая, впрочем, уживается с прочими убеждениями. Просто такова социальная теория либерализма. Кто настаивает на единстве экономических интересов всех народов и сохраняет безразличие к размерам национальной территории и форме национальных границ, кто настолько отошел от коллективистских идей, что выражения типа «честь государства» звучат для него полной бессмыслицей, для того просто не существует оправданий для агрессивной войны. Либеральный пацифизм есть порождение социальной философии либерализма. То, что либерализм выступает в защиту собственности и отрицает войну, есть два выражения одного и того же принципа⁶⁰.

2. Социальная функция демократии

Во внутренней политике либерализм требует полнейшей свободы выражения политического мнения, устройства государства в соответствии с волей большинства; он требует, чтобы законы составляли представители народа и чтобы правительство, которое представляет собой комитет народных представителей, было подчинено закону. Мирясь с монархией, либерализм просто идет на компромисс. Его идеалом остается республика или, по крайней мере, призрачная монархия по английскому образцу, ибо его высший политический принцип – самоопределение людей как индивидов. Тщетно обсуждать, является ли этот идеал демократическим или нет. Современные авторы склонны вводить различие между либерализмом и демократией. Похоже, что у них нет ясного представления ни о том, ни о другом. А главное, лелеемые ими взгляды на правовые основы демократических установлений заимствованы исключительно из круга идей доктрины естественного права.

Вполне может быть, что большинство либеральных теоретиков пытались поддерживать демократические установления, также ссылаясь на то, что они соответствуют воззрениям естественного права о неотчуждаемости права человека на самоопределение. Но мотивы, которыми политические движения оправдывают свои требования, не всегда совпадают с причинами, вынуждающими их к действию. Зачастую легче действовать в политике, чем ясно видеть конечные мотивы собственных действий. Старый либерализм знал, что демократические требования неизбежно порождаются всей его социально-философской системой. Но было не вполне ясно, каково их действительное место в этой системе. Этим объясняется та неопределенность, которая всегда проявляется по основным вопросам; этим также объясняется безмерная преувеличенность псевдодемократических требований тех, кто присвоил имя «демократ» исключительно себе и таким образом противопоставил себя либералам, не заходившим столь далеко.

Значение демократических форм государственного устройства не в том, что они больше любых других соответствуют естественным и врожденным правам человека; не в том, что лучше любого другого вида правления демократия воплощает идеи свободы и равенства. Отвлеченно говоря, человеку столь же мало пристало позволять управлять собой, как и позволять кому-либо работать за него. Что гражданин развитого общества чувствует себя свободным и счастливым при демократическом режиме, что он считает его лучшим, чем любая другая форма власти, и что он готов к жертвам ради достижения и поддержания такого порядка, –

---

⁶⁰ Стремясь записать все зло на счет капитализма, социалисты попытались даже определить современный империализм и, следовательно, мировую войну как продукт капитализма. Возможно, нет нужды ближе заниматься этой теорией, выдвинутой на потребу не рассуждающих масс. Но нелишним будет припомнить, что Кант был прав, когда ожидал от растущего влияния «силы денег» постепенного уменьшения воинственности. «Дух торговли... – говорит он, – вот что несовместимо с войной» (Kant, *Zum ewigen Frieden // Samtliche Werke.*, Bd. V., S. 688) [Кант И. К вечному миру // Собр. соч. Т. 6. М., 1966. С. 287]; см. также: Sulzbach, *Nationales Gemeinschaftsgefühl und wirtschaftliches Interesse*, Leipzig, 1929, S. 80 ff.

все это опять-таки не следует объяснять тем, что демократия достойна любви сама по себе. Дело в том, что она выполняет функции, без которых невозможно обойтись.

Обычно отмечают, что важная функция демократии – отбор политических лидеров. В демократической системе назначение на важнейшие посты определяется конкуренцией в обстановке полной гласности, свойственной политической жизни, и в этой конкуренции, как принято думать, обычно побеждают самые достойные. Не очень понятно, почему демократия должна оказаться непременно более удачливой, чем автократия или аристократия, в отборе людей для управления государством. В недемократических государствах, как показывает история, политически одаренные люди нередко пробивались наверх, и одновременно нельзя утверждать, что в демократиях всегда лучшие попадают на должное место. По этому вопросу враги и друзья демократии никогда не договорятся.

Истинное значение демократических форм устройства государства совсем в ином. Их функция – поддерживать мир, избегать насильственных переворотов. В недемократических государствах точно так же только правительство, имеющее поддержку общественного мнения, может рассчитывать на устойчивость. Сила всех правительств не в оружии, но в том духе, который подчиняет правительству все оружие. Правящая группа, всегда являющаяся малым меньшинством среди подавляющего большинства, может приобрести и удержать власть, только расположив настроение большинства в свою пользу. Если что-либо изменяется, если те, от чьей поддержки правительство зависит, теряют уверенность, что они должны поддерживать именно это правительство, тогда почва, на которой держатся власти, подорвана и рано или поздно им придется уйти. Правители и режимы в недемократических государствах могут быть изменены только насилием. Режим правления и люди, потерявшие поддержку народа, бывают сметены восстанием, и новый режим и новые люди занимают их место.

Но каждый насильственный переворот стоит крови и денег. Приносятся человеческие жертвы, и разрушения тормозят хозяйственную деятельность. Демократии пытаются предотвратить такие материальные потери и сопровождающие их психические потрясения, гарантируя согласие между волей государства (как она выражается через органы управления) и волей большинства. Это достигается тем, что государственные органы ставятся в зависимость от воли существующего большинства. Во внутренней политике так реализуется то, что пацифизм мечтает осуществить во внешней политике⁶¹⁴³²⁴³³.

Что только это является решающей функцией демократии, становится ясно из аргументов, которые противники демократии чаще всего выдвигают против нее. Русские консерваторы, несомненно, правы, когда указывают, что русский царизм и политика царя одобрялись громадной массой русских людей, так что даже демократическое устройство не могло бы дать России другого правительства. Русские демократы также не имели иллюзий по этому поводу. Пока большинство русского народа (вернее, политически зрелая его часть, имевшая возможность влиять на политику) стояло за царизм, русское государство не нуждалось в демократических формах правления. Однако отсутствие демократических форм правления стало роковым для России с того момента, когда возникло расхождение между общественным мнением и политической системой царизма. Раздор между волей государства и волей народа нельзя было уладить мирными методами; политическая катастрофа оказалась неизбежной. Что верно для царской России, столь же верно и для России большевистской; это так же верно для Прус-

⁶¹ Может быть, не вполне случайно в известном смысле, что писатель, который на пороге Ренессанса первым выдвинул демократическое требование о передаче законодательства народу, – Марсилиус из Падуи⁴³² – назвал свою работу «Defensor Pads»⁴³³ (Atger, *Essai sur l'histoire des Doctrines du Contrat Social*, Paris, 1906, p. 75; Scholz, *Marsilius von Padua und die Idee der Demokratie* // *Zeitschrift für Politik*, 1908, I. Bd., S. 66 ff.).

⁴³² Марсилиус Падуанский (между 1275 и 1280 – ок. 1343) – итальянский политический мыслитель, один из основоположников концепции возникновения государства в результате общественного договора.

⁴³³ «Защитник мира» (лат.)

сии-Германии и для всякого другого государства. Как ужасны были последствия Французской революции, которые Франция психически так никогда и не изжила! Как бесконечно много выиграла Англия от того, что сумела избежать революций с XVII века!

Очевидно, что большая ошибка отождествлять демократию с революцией или даже просто уподоблять их. Демократия не только не революционна, но она всегда стремится исключить революцию. Культ революции, насильственного переворота любой ценой, особенно характерный для марксизма, не имеет ничего общего с демократией. Либерализм, осознавая, что для достижения экономических целей человеку необходим мир, и стремясь в силу этого к устранению всех причин вражды внутри страны и за рубежом, требует демократии. Жестокость войн и революций в глазах либерала всегда зло, которое так или иначе неизбежно, пока нет демократии. Однако даже когда революция представляется почти неизбежной, либерализм пытается спасти людей от насилия. Он не оставляет надежды, что философия может настолько просветить тиранов, что они добровольно откажутся от прав, препятствующих социальному развитию. Шиллер^[63] говорит как либерал, когда у него маркиз де Поза умоляет короля дать свободу мысли^[64]; а историческая ночь 4 августа 1789 г., когда французские дворяне добровольно отказались от своих привилегий, и английский закон о реформах 1832 г. показывают^[65], что эти надежды не были вполне напрасными. Либерала не приводит в восторг самоотверженная грандиозность марксистских профессиональных революционеров, которые жертвуют тысячами жизней и разрушают плоды вековых трудов. Здесь вполне хорош хозяйственный подход: либерализм желает успеха наименьшей ценой.

Демократия – самоуправление народа, его автономия. Но это не значит, что все должны равно соучаствовать в законодательстве и администрации. Прямая демократия возможна только в малых группах. Даже небольшой парламент не может вести всю работу на пленарных заседаниях; следует избирать комитеты, и вся основная работа выполняется отдельными людьми: спикерами, докладчиками, и прежде всего авторами законопроектов. В этом окончательное доказательство того, что массы следуют за немногими лидерами. Что люди вовсе не равны, что некоторые рождаются быть лидерами, а некоторые – ведомыми, этого не могут изменить даже демократические установления. Все не могут быть первопроходцами: большинство этого и не хочет, да и нет у него нужных сил. Идея, что при настоящей демократии люди будут проводить время в совете подобно членам парламента, возникла из представления о древнегреческом городе-государстве периода упадка; но при этом упускается из виду тот факт, что такие общины вовсе не были демократиями, поскольку исключали из общественной жизни рабов и всех тех, кто не обладал всей полнотой прав гражданина. Там, где все должны трудиться, «чистый» идеал демократии становится нереализуемым. Стремление увидеть демократию реализованной именно в этой невозможной форме есть не что иное, как педантское доктринерство в стиле естественного права. Чтобы достичь целей демократических установлений, необходимо только, чтобы законодательная и административная работа следовала воле большинства народа, и для этих целей непрямая демократия вполне хороша. Существо демократии не в том, что каждый пишет законы и управляет, но в том, чтобы законодатели и управляющие на деле зависели от воли народа, чтобы их можно было мирно заменить в случае конфликта.

Такое понимание снимает многие аргументы как друзей, так и недругов народовластия, направленные против реализуемости демократии⁶². Демократия не делается менее демократичной оттого, что лидеры выделяются из массы, чтобы посвятить себя целиком политике. Подобно любой другой профессии в обществе с разделением труда политика требует всего человека; от политиков-дилетантов нет никакой пользы⁶³. До тех пор, пока профессиональ-

⁶² См., с одной стороны, сочинения защитников прусского авторитарного государства, а с другой – прежде всего работы синдикалистов (Michels, *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie*, 2. Aufl., Leipzig, 1925, S. 463 ff.).

⁶³ Max Weber, *Politik als Beruf*, München und Leipzig, 1920, S. 17 ff. [Вебер М. Политика как профессия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 651 сл.]

ный политик зависит от воли большинства и может выполнять только то, за что и получил большинство голосов, демократический принцип не нарушен. Не требует демократия и того, чтобы парламент был миниатюрной копией картины социальной стратификации в стране, так что если большинство населения составляют крестьяне и промышленные рабочие, то и в парламенте они же составляли бы большинство⁶⁴. Свободный джентльмен, который играет большую роль в английском парламенте, юрист и журналист в парламентах романских стран, возможно, представляют народ лучше, чем лидеры профсоюзов и крестьяне, которые внесли дух запустения в парламенты Германии и славянских стран. Если представители высших социальных слоев действительно исключены из парламентской деятельности, эти парламенты и формируемые ими правительства не могут представлять волю народа. Высшие слои, состав которых сам по себе есть результат отбора, производимого общественным мнением, оказывают на умы людей влияние, далеко превосходящее их скромную численность. Если их не допускать в парламенты и правительства как людей, неподходящих для власти, возникнет конфликт между общественным мнением и мнением парламента, и этот конфликт сделает трудным, если не вовсе невозможным, функционирование демократических институтов. Внепарламентские влияния скажутся и на законодательном процессе, и на администрировании, ибо интеллектуальное влияние исключенных из политической жизни не может быть удушено менее достойными элементами, заправляющими в парламенте. Ни от чего парламентаризм не страдает так, как от этого; здесь мы должны искать причины плачевного упадка парламентов. Ведь демократия — не власть толпы, и чтобы соответствовать своим задачам, парламент должен включать лучшие политические умы нации.

---

⁶⁴ Естественнo-правовые теории демократии, не способные оценить преимущества разделения труда, сохраняют верность идее «представительства» избирающих избранными. Нетрудно показать всю искусственность этой концепции. Член парламента, который для меня изготавливает законы и для меня контролирует администрацию, «представляет» меня не в большей степени, чем врач, который меня лечит, или сапожник, который шьет мне обувь. Существенное отличие его от врача и сапожника не в том, что он выполняет для меня услуги другого рода, а в том, что я, будучи недоволен им, не могу избавиться от его услуг с той же простотой, с какой я меняю врача или сапожника. Я и хочу быть избирателем, чтобы влиять на правительство так же, как я влияю на врача и сапожника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Вильгельм Рёпке (1899–1966) – швейцарский экономист, учившийся и вначале работавший в Германии. В 20-е годы примыкал к сторонникам «регулируемого капитализма» (интервенционизма), но затем решительно встал на позиции экономического либерализма. Один из создателей теории социального рыночного хозяйства. Лайонел Роббинс (1898–1984) – английский экономист, также переживший в 30-е годы эволюцию в направлении экономического либерализма. Активно выступал против кейнсианской программы государственного регулирования экономики.

2.

В конце XIX в. в Австрии сложилось экономическое направление, получившее название школы предельной полезности. Ее представители считали, что ценность конкретного блага определяется его предельной полезностью, т. е. субъективно оцениваемой полезностью той единицы этого блага, которая удовлетворяет наименее настоятельную потребность в нем. Если, например, из трех килограммов зерна первый удовлетворяет потребность в пище, второй – в посевном материале, а третий – в корме для певчих птиц, то предельная полезность – это полезность третьего килограмма. При сокращении производства зерна на килограмм придется отказаться от кормления птиц, и тогда ценность зерна будет определяться полезностью второго килограмма, предназначенного для посева.

3.

Макс Вебер (1864–1920) – немецкий социолог, историк и экономист, сыгравший выдающуюся роль в формировании современного обществоведения.

4.

Sozialpolitik – социальная политика (нем.). Хайек имеет в виду идеи так называемой «молодой исторической школы», сформировавшейся в Германии в конце 60-х годов XIX в. Представители этой школы считали, что государство, активно вмешиваясь в общественную жизнь, обеспечит постепенное утверждение социализма. Поскольку у истоков школы стояли университетские профессора Г. Шмоллер, Л. Brentano и др., она получила ироническое название катедер-социализма, т. е. «социализма кафедры». В 1872 г. катедер-социалисты создали объединение «Союз социальной политики».

5.

Фабианский социализм – концепция постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое с помощью государства, развивавшаяся группой английских интеллектуалов, основавших в 1884 г. «Фабианское общество». Впоследствии «фабианцы» стали мозговым центром лейбористской партии.

6.

Книга Л. фон Мизеса посвящена экономической истории Галиции, а именно развитию отношений помещичьих и крестьянских хозяйств под влиянием государственно-правовых установлений.

7.

Карл Менгер (1840–1921) – австрийский экономист, один из создателей теории предельной полезности, основатель «австрийской (венской) школы» в политической экономии.

8.

Ойген Бём-Баверк (1851–1914) – австрийский экономист, внесший существенный вклад в развитие теории предельной полезности.

9.

Йозеф Шумпетер (1883–1950) – австрийский экономист и социолог, с 1932 г. – профессор Гарвардского университета. Будучи консерватором, Шумпетер тем не менее признавал научные заслуги Маркса и был близок с некоторыми социалистами. Отто Бауэр (1882–1938) – идеолог так называемого австро-марксизма, один из лидеров австрийской социал-демократии и Второго Интернационала. По его рекомендации в 1919 г. Шумпетер был приглашен на пост министра финансов в коалиционном правительстве католиков и социал-демократов.

10.

Отто Нейрат (1882–1945) – австрийский философ, экономист и социолог. Стоял на марксистских позициях. Хайек имеет в виду вышедшую в 1919 г. в Мюнхене книгу Нейрата «Через военное хозяйство к натуральному хозяйству», в которой Нейрат обосновывает идею господства расчетов в натуральных показателях в социалистической экономике.

11.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) – межправительственная международная организация, занимающаяся изучением продовольственной конъюнктуры в странах мира, разработкой рекомендаций по производству и сбыту сельхозпродукции, оказанием технической и продовольственной помощи развивающимся странам. Штаб-квартира ФАО находится в Риме. Всемирный банк – международная финансовая организация, созданная с целью организации финансовой и технической помощи развивающимся странам. Местонахождение банка – Вашингтон.

12.

Точная цитата Шумпетера выглядит так: «...в качестве высшего, пусть и непреднамеренного комплимента системе частного предпринимательства ее враги сочли разумным присвоить его название» (под «его» имеет в виду либерализм; Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 518).

13.

Концепция «государства (всеобщего) благосостояния» получила широкое распространение в середине XX в. Ее активными сторонниками и пропагандистами выступали К. Боулдинг, А. Хансен (США), Дж. Коул, Дж. Стрейчи (Великобритания) и др. Они утверждали, что современное государство в развитых странах мира располагает возможностями ликвидации социальных противоречий и обеспечения всеобщего благосостояния населения. Три конституирующими моментами государства благосостояния, согласно этой концепции, являются регулирование частного предпринимательства, наличие развитой государственной собственности и законодательные социальные гарантии трудящихся.

14.

Хуан Доминго Перон (1895–1974) – генерал, президент Аргентины с 1946 по 1955 г. и с 1973 по 1974 г.; выдвинул доктрину «справедливого» надклассового государства; в практической политике следовал курсу на государственное регулирование заработной платы, внешнеэкономических отношений и некоторых других сфер хозяйственной жизни.

15.

Новый курс (New Deal, более точный перевод – «Новая сделка», в советской историографии утвердился вариант «курс» как часть устойчивого выражения «политический курс») – совокупность мероприятий администрации президента Ф. Рузвельта в 1933–1938 гг., имевшая целью смягчить и преодолеть последствия кризиса 1929–1932 гг. посредством усиления государственного вмешательства в экономику. Сочетая меры по усилению государственного регулирования экономики (см. комм. 425 о NIRA, NRA и AAA) с реформами социального страхования и рынка труда (создание федеральной обязательной системы социального страхования, выведение профсоюзов из-под действия антимонопольного законодательства, законодательное установление минимальной оплаты труда и др.). На практике меры Нового курса оказали психологический эффект, но не решили задач, решение которых возлагалось на соответствующую политику. Некоторые законы были признаны антиконституционными и были отменены Верховным судом США. Справедливый курс (или, точнее, Справедливая сделка (Fair Deal)) – в широком смысле название политической линии Демократической партии США, состоявшей в продолжении политики Нового курса после окончания Второй мировой войны. В узком смысле – совокупность мероприятий, которые демократическая администрация собиралась проводить с конца 1940-х годов и о которых президент Трумэн сообщил 5 января 1949 г. в речи перед Конгрессом США. В состав предлагаемых мер входили: реформа здравоохранения (задуманная еще при Рузвельте, она была частично осуществлена президентом Линдоном Джонсоном и окончательно реализована президентом Обамой), принятие специального жилищного законодательства, увеличение масштабов и каналов государственного финансирования сельского хозяйства, создание федерального министерства социального обеспечения, реализация целой серии проектов общественных работ. «Справедливая сделка» как единая программа не получила поддержки ни у Конгресса, ни в обществе, что вынудило Демократическую партию, формально отказавшись от линии и единого лозунга «Справедливой сделки», на протяжении практически всей послевоенной истории и вплоть до нынешних дней разбивать ее на отдельные блоки и постоянно модифицировать элементы «Справедливой сделки» (в том числе смену названий), превращая их в меры, соответствующие новым обстоятельствам.

16.

Фритредеры – в широком смысле так называют сторонников свободы международной торговли. Как исторический термин обозначает участников движения за свободу торговли в Англии в 1830–1840-х годах. Главным достижением этого движения стала отмена «хлебных законов» (пошлин на импорт зерна) в Великобритании в 1846 г., после чего в этой стране постепенно были отменены все протекционистские пошлины (остались только фискальные пошлины на пять колониальных товаров). Агитацию и координацию политических действий против ограничения импорта зерна в Великобританию вела созданная в 1838 г. «Лига против хлебных законов» во главе с Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом. Режим свободной торговли подержался в Великобритании до начала XX в. (См. также комм. 379.)

17.

Edelsozialisten – «благородные социалисты» (нем.); благородными, или салонными, социалистами иронически называли исповедовавших социалистические взгляды представителей рафинированной интеллигенции.

18.

Упомянутая статья Мизеса была переведена С. Адлером на английский язык. Уже после выхода второго немецкого издания книги Мизеса статья как самостоятельное произведение

была включена в подготовленную Ф. Хайеком антологию «Collectivist Economic Planning», изданную в Лондоне в 1935 г.

19.

Генрих Херкнер (1863–1932) – немецкий экономист; возглавил немецкую «молодую историческую школу» после смерти Густава Шмоллера, сменив его на его должности в Берлинском университете и на посту президента Союза социальной политики. Густав Шмоллер (1838–1917) – немецкий экономист, историк и политический деятель, лидер новой (молодой) исторической школы, сторонник катедер-социализма; один из основателей Союза социальной политики, а с 1890 г. – его президент. выступал за усиление государственного регулирования экономики.

20.

В январе 1923 г. Франция и Бельгия ввели войска в Рурскую область Германии, чтобы принудить германское правительство вносить обусловленные Версальским договором репарационные платежи. В ответ германское правительство призвало население Рура к прекращению работы на шахтах и заводах, продукция которых подлежала вывозу во Францию и Бельгию, а также к гражданскому неповиновению. К середине того же года промышленность Рурской области была фактически парализована забастовками рабочих, уровень жизни которых значительно упал вследствие гиперинфляции. В августе 1923 г. всеобщая забастовка охватила всю Германию.

21.

Подавляющее большинство названных Мизесом экономистов – Эрнст Бенн, Адольф Вебер, Фридрих Визер, Вальтер Зульцбах, Людвиг Поле, Вильгельм Рёпке – работали в начале века в Германии и Австрии, Лайонел Роббинс и Уильям Хатт – английские экономисты, Джордж Хальм – американский, а Борис Бруцкус – русский экономист.

22.

Термин «этатизм» (от фр. *état* – государство) введен в научный и политический оборот либеральным швейцарским государственным деятелем Н. Дро (1844–1899) для обозначения таких черт социализма, как всеобъемлющая роль государства, централизованное руководство экономикой, примат интересов государства перед интересами личности. Впоследствии, в первой половине XX в., этот термин стал употребляться не только в связи с социализмом, но и для обозначения любой политики активного участия государства в экономической жизни. Этатизм, например, был зафиксирован в Конституции Турции, принятой в 1937 г., как один из устоев республики. Однако у либералов, в том числе у Мизеса, термин «этатизм» всегда несет негативную окраску.

23.

Лидеры катедер-социализма организовали в 1872 г. в г. Эйзенахе съезд своих сторонников, на котором был основан Союз социальной политики. Для катедер-социалистов была характерна выпяченная националистическая риторика.

24.

Субъективная школа в политической экономии – собирательное название ряда учений, возникших в 70-е годы XIX в. Общим для них является тезис, что ценность благ определяется в конечном счете субъективной оценкой их полезности. Мизес, по всей вероятности, под субъективной школой подразумевает австрийскую школу, приверженцем которой он являлся.

Эта школа рассматривает заработную плату как долю в произведенной ценности, которая может быть «вменена» труду – одному из факторов производства.

25.

Превыше всего (др. – греч.).

26.

Лорд Пассфилд – Сидней Вэбб (1859–1947), английский экономист и историк рабочего движения. Идеолог фабианского социализма, предполагающего постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое путем длительного ряда реформ. Беатриса Вэбб (1858–1943) – жена и соавтор Сиднея Вебба.

27.

Немецкая (прусская) историческая школа – направление в экономической науке, сложившееся в Пруссии в середине XIX в. Его основоположники В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс отрицали наличие общих для всех стран экономических законов. Задачей экономической науки они считали не анализ взаимосвязи экономических явлений, а описание норм хозяйствования, исторически сложившихся в той или иной стране под воздействием социально-политических структур и прежде всего, государства. Немецкая историческая школа оказала большое влияние на формирование институционализма – направления американской экономической мысли конца XIX в. Т. Веблен, У. Гамильтон и другие институционалисты считали задачей науки описание и классификацию социальных явлений (институций), определяющих экономическую жизнь. К числу институций они относили наряду с формами собственности государственные установления, налоговую систему, семью, обычаи и т. п.

28.

Интервенционизм (от лат. *interventio* – вмешательство) – термин, используемый Мизесом во многих работах для обозначения государственного регулирования экономической жизни.

29.

У Мизеса термин «либерализм» выступает «в том смысле, как он использовался повсеместно в XIX в. и как он до сих пор используется в странах континентальной Европы. <Он обозначает> великое политическое и интеллектуальное движение, которое заменило докапиталистические методы производства свободным предпринимательством и рыночной экономикой; заменило абсолютизм монархов или олигархий конституционным представительным правительством; утвердило свободу индивидуума вместо рабства, крепостничества и других форм несвободы» (Mises, *Human Action: A Treatise on Economics*, 3rd ed., Chicago: Regnery, 1966, P. V).

30.

Третий Интернационал (Коммунистический Интернационал) – международное жестко централизованное объединение коммунистических партий. Учрежден в Москве в марте 1919 г., распущен из тактических соображений в период Второй мировой войны – в мае 1943 г.

31.

Иосиф Дицген (1828–1888) – немецкий философ, общественный и политический деятель Германии и США; познакомившись с идеями марксизма, подпал под их влияние.

32.

Коген Герман (1842–1918) – немецкий философ, глава марбургской школы неокантианства. Коген был одним из создателей теории «этического социализма», обосновывавшей социализм кантовской этикой.

33.

Здесь и далее, где это особо не оговорено, под мировой войной Л. фон Мизес подразумевает Первую мировую войну 1914–1918 гг.

34.

Иммануил Кант (1724–1804) – родоначальник немецкой классической философии.

35.

Сервитут – ограниченное право использовать чужую собственность, преимущественно земельную, например право крестьян собирать хворост в помещичьем лесу. Узуфрукт – право пользоваться чужим имуществом и доходами от него, не подвергая его при этом изменениям.

36.

Выражение «война всех против всех» принадлежит английскому философу Томасу Гоббсу (1588–1679). Оно характеризует отношения людей на догосударственной стадии. Государство и вместе с ним «естественное право» возникло, по Гоббсу, на основе общественного договора.

37.

В древнегреческой мифологии сова как символ мудрости была посвящена богине Афине – покровительнице Афин. Изображения сов чеканились на афинских монетах, именовавшихся в просторечии «совами». Отсюда, видимо, пошла поговорка «носить сов в Афины», т. е. совершать нечто излишнее, ненужное (русский аналог – «ездить в Тулу со своим самоваром»).

38.

Рационализм – философское учение, согласно которому разум является основой бытия, познания и морали; к рационалистам принадлежали Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц.

39.

Отсутствие титула собственности – неподтвержденность прав собственника соответствующими документами.

40.

Тацит Публий Корнелий (ок. 56 – ок. 117) – римский историк; его перу принадлежит «Germania» – описание общественного устройства, верований и быта германских племен.

41.

«Потом добывать то, что может быть приобретено кровью, – леность и малодушие» (лат).

42.

По верованиям римлян, жизнь человечества проходит через ряд кругов, каждый из которых находится под покровительством определенного божества. Золотой век соотносился с кругом Сатурна – доброго и справедливого бога урожая и земледельцев. Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.) – римский поэт. О Золотом веке он писал в «Буколиках», Эколога IV (Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971). Публий Овидий Назон (43 до н. э. – ок. 18 н. э.) – римский поэт. Описание золотого века содержится в его «Метаморфозах» (Овидий.

Метаморфозы. М., 1977). Тибулл Альбий (ок. 50–19 до н. э.) – римский поэт. Упоминания о Золотом веке встречаются в его «Элегиях» (Катулл. Альбий Тибулл. Пропорций. М., 1977). Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. – 65 н. э.) – римский философ. О Золотом веке см. в его «Нравственных письмах к Луцилию» (М., 1977).

43.

В середине XIX в. сформировалась так называемая общинная теория, согласно которой исходным моментом аграрной истории было общинное землевладение с коллективной крестьянской собственностью на землю. Ее создателями и последователями были Г. Маурер, Г. Мэн, М. Ковалевский и другие историки и правоведы. Общинная теория нашла своих горячих сторонников и продолжателей в К. Марксе и Ф. Энгельсе (см., например, работы Ф. Энгельса «Марка», «К истории древних германцев», «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). В конце XIX – начале XX в. общинная теория подверглась суровой критике со стороны Н. Д. Фюстель де Куланжа, Ф. Сибомы, Р. Гильдебранда, А. Допша и других историков, отстаивавших извечность частной собственности.

44.

Как установили историки, русская сельская община с периодическими уравнительными переделами земли между входящими в общину семьями сформировалась лишь в XVII–XVIII вв. Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин и другие представители «государственной школы» историков доказывали, что община в таком виде сложилась под давлением государства, преследовавшего сугубо фискальные цели. Хаубергские товарищества – ассоциации лесорубов, возникшие в прирейнском Вестервальде (Германия). *Gehofeischaf* (нем.) – подворная земельная община, существовавшая в районе Трира (Рейнская область Германии). Каждая семья (двор), входившая в общину, имела строго определенную долю во всех видах земельных угодий, но так как участки отличались по плодородию и другим природным условиям, практиковался периодический обмен их между членами общины. Задруга – существовавшая вплоть до конца XIX в. на землях Сербии и Хорватии семейная община. В ее сохранении из фискальных соображений были заинтересованы как правители Османской империи, которая господствовала на землях южных славян, так и правительство независимой Сербии.

45.

Гай Юлий Цезарь (162–44 до н. э.) – римский полководец, политический деятель и писатель. О быте германских племен он писал в «Записках о Галльской войне» (Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне. В 2 т. М., 1991). Согласно описанию Цезаря, у германцев была кровнородственная община. По Тациту (полтора века спустя), германские племена жили в условиях соседской (сельской) земледельческой общины.

46.

Антон Менгер (1841–1906) – австрийский юрист, социолог и историк социалистических идей. Социалист-эволюционист А. Менгер был известен в конце XIX – начале XX в. как противник марксистского социализма и социал-демократии.

47.

Субъективная школа в политической экономии – собирательное название ряда учений, возникших в 70-е годы XIX в. Общим для них является тезис, что ценность благ определяется в конечном счете субъективной оценкой их полезности. Мизес, по всей вероятности, под субъективной школой подразумевает австрийскую школу, приверженцем которой он являлся.

Эта школа рассматривает заработную плату как долю в произведенной ценности, которая может быть «вменена» труду – одному из факторов производства.

48.

Английский экономист Томас Мальтус (1766–1834) сформулировал в 1798 г. «естественный закон народонаселения», согласно которому население имеет тенденцию размножаться в геометрической прогрессии, тогда как средства существования могут расти лишь в арифметической прогрессии, что порождает нищету масс.

49.

Реализм и номинализм – два противоборствующих течения в европейской средневековой философии. Номиналисты утверждали, что существуют лишь единичные вещи, а общие понятия (универсалии) – это лишь *nomina* (имена, обозначения), выступающие в сознании людей. Реалисты считали, что общие понятия существуют реально, а не только в мышлении. Спор о реальном существовании универсалий восходит к Древней Греции: Платон (427–347 до н. э.) считал, что идеи существуют вне конкретных вещей и образуют особый идеальный мир; Аристотель (384–322 до н. э.) утверждал, что общее существует только в единичных вещах, будучи его формой.

50.

Универсализм здесь – синоним реализма как признания реального бытия универсалий. Проблема универсалий была сформулирована древнегреческим философом Порфирием (234–301?) как проблема «вида»: существуют ли виды и роды вещей наряду с единичными вещами? По Мизесу, признание особых целей и интересов коллективов, отличных от целей и интересов индивидуумов, равносильно признанию реального бытия вида наряду с единичными вещами.

51.

Collectiva – совокупности людей, объединенных общим делом, интересом и т. п. (лат.)

52.

Телеология – учение о том, что развитие каких-либо явлений обусловлено не объективными причинами, а заранее предустановленной целью.

53.

Иоганн Гердер (1744–1803) – немецкий философ, идеолог Просвещения; в молодости был учеником И. Канта, а в последний период жизни вел резкую полемику с кантианством.

54.

Аверроэс – латинизированное имя Ибн Рушда (1126–1189), арабского философа, комментатора Аристотеля. В учении Аверроэса нашло отражение гипостазирование – представление о том, что общие понятия, идеи, свойства обладают самостоятельным бытием наряду с конкретным вещественным миром.

55.

В математике асимптотическим называется неограниченное приближение точек некоторой кривой к прямой линии по мере того, как эти точки удаляются в бесконечность.

56.

Отто Гирке (1841–1921) – германский юрист, историк права. В истории он видел смену различных форм общности людей. Государство, по его мнению, не институт, а общность, объединяющая и господствующих, и подвластных им.

57.

Готхольд Лессинг (1729–1781) – немецкий писатель-просветитель, классик национальной литературы.

58.

Георг Гегель (1770–1831) – классик немецкой философии, объективный идеалист, диалектик.

59.

Иоганн Тюнен (1783–1850) и Герман Генрих Госсен (1810–1858) – немецкие экономисты, заложившие основы теории предельной полезности и производительности, отрицающей классическую трудовую теорию ценности, на которой базировались социалистические требования ликвидации доходов капиталиста как нетрудовых. Карл Менгер (1840–1921) – австрийский экономист, один из создателей теории предельной полезности, основатель австрийской школы в экономической теории. Ойген Бём-Баверк (1851–1914) – австрийский экономист, один из разработчиков теории предельной полезности благ и на ее основе – теории капитала и процента. Фридрих Визер (1851–1926) – австрийский экономист, внесший существенный вклад в развитие теории предельной полезности. Людвиг фон Мизес развивал взгляды этих основоположников австрийской школы.

60.

Фридрих Вильгельм IV (1795–1861) – прусский король, установивший режим жестокой реакции. Вильгельм II (1859–1941) – германский император, один из политических лидеров, развязавших Первую мировую войну.

61.

Ценностные суждения – суждения, выражающие субъективные оценки. С позиций формальной логики они не обладают необходимым признаком суждения, ибо не могут характеризоваться как истинные или ложные. Потому, как считает Мизес (вслед за М. Вебером), ценностные суждения лежат вне сферы науки.

62.

Берта Зутнер (1843–1914) – австрийская писательница, видная деятельница пацифистского движения. Возглавляла Венский Союз друзей мира, издавала журнал «Долой оружие» – орган Интернационального Бюро мира. Лауреат Нобелевской премии мира 1905 г.

63.

Иоганн Шиллер (1759–1805) – немецкий драматург, поэт, историк.

64.

Имеется в виду драма Фридриха Шиллера (1783–1787) «Дон Карлос», а именно сцена встречи «гражданина Вселенной» маркиза Позы с королем Испании Филиппом II (Шиллер Ф. Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1959).

65.

В ночь 4 августа 1789 г. в Учредительном собрании виконт Де Ноай, герцог Д'Эй гийон и другие представители дворянства потребовали ликвидации феодальных прав (помещичьего суда, права охоты на крестьянских землях и т. п.) и феодальных повинностей (барщины, оброчных платежей и т. д.). Учредительное собрание поддержало отказывающихся от своих привилегий дворян. В марте-июне 1832 г. в Великобритании господствовавшая в парламенте аристократия пошла на уступки промышленной буржуазии, проведя парламентскую реформу. Согласно Биллю о реформе было ликвидировано представительство от мелких или вообще фиктивных избирательных округов, что лишило помещиков примерно пятой части мест в парламенте.

420.

Фридрих Вильгельм Ферстер (1869–1966) – немецкий теоретик политической этики, пацифист по убеждениям.

421.

Джон Принц-Смит – правильное Смит, Джон Принц, младший (1809–1874) – английский политэконом.

422.

Эрнст Унтерман – немецкий, а затем американский философ, последователь Дицгена; критиковал ряд положений марксизма с социалистических позиций.

423.

Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) – русский философ-марксист, деятель международного и российского социалистического движения. Карл Каутский (1854–1938) – немецкий экономист и философ, пропагандист марксизма, деятель германского социалистического движения и II Интернационала. Франц Меринг (1846–1919) – немецкий философ и историк, последователь марксизма, деятель германского рабочего движения. Маркс, Энгельс, Каутский и Меринг происходили из зажиточных буржуазных семей; Плеханов по происхождению дворянин.

424.

Гендрик Де Ман (1885–1953) – бельгийский социолог и политический деятель, один из лидеров бельгийских социалистов; в конце 20-х годов порвал с марксизмом.

425.

Фридрих Мукле (1883–1945) – немецкий экономист; в 1918 г. был сотрудником и консультантом Курта Эйснера – премьер-министра временного правительства, сформированного в ходе ноябрьской революции в Баварии.

426.

Гораций (65–8 до н. э.) – римский поэт, автор исполненных философским духом стихотворных «Посланий».

427.

Этатистская социальная философия – философия, объясняющая развитие общества деятельностью государства и его институтов.

428.

В этой сказке Ганса Христиана Андерсена (1805–1875) герой, идеализирующий Средневековье, очутившись чудесным образом в том времени, испытывает глубокое разочарование (Андерсен Г. Х. Сказки и истории. Т. 1. Л., 1977. С. 205–235).

429.

«Земля же плодоносила сама, добровольно, без понуждения» (лат.) (Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. С. 68).

430.

Генрих Дитцель (1857–1935) – немецкий экономист. Освальд Шпенглер (1880–1936) – немецкий философ, культуролог и историк.

431.

Адольф Лассон (1832–1917) – немецкий философ и правовед, автор ряда работ по философии права.

432.

Марсилиус Падуанский (между 1275 и 1280 – ок. 1343) – итальянский политический мыслитель, один из основоположников концепции возникновения государства в результате общественного договора.

433.

«Защитник мира» (лат.)